

ГЛАВА VI.

ЦАРИЦЫНЪ ДВОРОВЫЙ ЧИНЪ.

Женскій чинъ: Мамы и верховныя боярыни, ихъ честь и мѣсто. Казначей. Постельницы. Комнатныя бабы. Мастерницы. Портомон. Мужской чинъ: приказный, крестовый, стольничій, походный, истопничій, мастерской. Царицына слобода Кисловка. Черты жизни и нравовъ младшаго чина дворовыхъ людей по сыскнымъ дѣламъ и челобитнымъ.

Дворовой чинъ или придворный штатъ царицы состоялъ, въ ближайшей службѣ, по преимуществу изъ женщинъ. Первое мѣсто въ женскомъ чину принадлежало боярынямъ, которыя именовались *дворовыми* или *верховыми*, а между ними первое мѣсто занимали боярыни *мамы* малолѣтнихъ царевичей и царевенъ. Старшинство мамъ соответствовало старшинству возраста царскихъ дѣтей, а потомъ старшинству мужскаго племени предъ женскимъ. Мамы царевичей, хотя бы и самыхъ меньшихъ по возрасту въ цѣлой семьѣ, были всегда выше мамъ даже и старшихъ возрастомъ царевенъ. Въ мамы избирались пожилыя, опытныя и, главное, самыя приближенныя къ царицѣ или къ государю вдовы, большею частію изъ ихъ же родственницъ. Мамою царя Ивана Васильевича была вдова Аграфена Челяднина, жена государева дворецкаго. Челяднины въ то время занимали самыя первыя по приближенію должности почти сряду въ теченіи двадцати лѣтъ (1496—1518 г.) передъ рожденіемъ Грознаго. Отецъ и братъ дворецкаго были конюшими. Первому царевичу изъ рода Романовыхъ Алексѣю Михайловичу (род. 1629 г.) въ мамы была избрана его бабушка

по отцѣ, Орина Никитична Годунова, сестра Филарета Никитича и жена окольного Ивана Ивановича Годунова, мужа добраго и благочестиваго по отзыву иностранцевъ, который, служа царю Василью Шуйскому, погибъ въ Калугѣ отъ втораго Лжедмитрія въ 1610 г., „скончася мученически, но къ совѣтникамъ самозванца не приложися“.

Мамы получали годоваго жалованья болѣе чѣмъ вдвое прочихъ дворовыхъ боярынь. Во второй половинѣ XVII ст. ихъ окладъ простирался отъ 50 и до 100 р. Столовыхъ или кормовыхъ денегъ онѣ не получали, затѣмъ что, живя во дворцѣ, пользовались всѣмъ дворцовымъ содержаніемъ. Исполнивъ свою прямую службу, мамы обыкновенно уходили въ монастырь; но при царевнахъ иногда онѣ оставались и послѣ ихъ возраста, завѣдуя по прежнему всѣми ихъ дѣлами и всѣмъ ихъ обиходомъ. Мама царевны Софьи Алекс., княгиня Анна Никифоровна Лобанова-Ростовская оставалась мамою въ дворовомъ штатѣ до своего постриженія въ монастырь. Она скончалась въ Новодивичьемъ монастырѣ, въ 1709 г., схимонахиною. При дворѣ, сначала въ числѣ пріѣзжихъ боярынь, она находилась болѣе 60 лѣтъ.

Въ числѣ дворовыхъ боярынь избирались обыкновенно вдовы по большей части изъ царицына родства или же по заслугамъ изъ придворныхъ женщинъ меньшаго чина, преимущественно изъ казначей, а иногда и изъ кормилицъ, разумѣется послѣ долгой и испытанной службы. Такъ извѣстная Анна Петровна Хитрово появляется въ первое время, въ 1630 году, казначеей у царевны Ирины Мих. Въ февралѣ 1646 года, по случаю разбора всего царицына чина умершей царицы Евдокии Лук., она была отставлена; при чемъ отмѣчено: по ея челобитью отпушена постричься. Но отмѣтка была зачеркнута и показывала только, что Хитрая, вышла изъ двора по собственному желанію. Спустя нѣсколько лѣтъ, именно въ 1658 году, она была пожалована прямо въ дворовыя боярыни и съ этого времени постепенно пріобрѣтаетъ вліятельное и первенствующее положеніе между боярынь. Она особенно возвышается назначеніемъ въ мамы къ царевичу Федору Ал. — Когда царевичъ достигаетъ возраста и по смерти старшаго брата Алексѣя становится самъ старшимъ въ семействѣ и объявляется наследникамъ престола, его мама, по естественной причинѣ, является тоже старшею и первую въ дво-

ровомъ женскомъ чину. Она приближается даже и къ новой царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ. Въ 1672 г. за родиннымъ столомъ царевича Петра она стоитъ у ней въ кравчихъ, что повторяется и въ 1674 г. на родинномъ и потомъ на крестинномъ пире царевны Феодоры. По смерти царя Алексѣя, у царя Феодора, своего воспитанника, Хитрая становится ближайшимъ челоукомъ, а по частымъ болѣзнямъ молодого царя и необходимымъ лицомъ въ его комнаты. Затѣмъ у новыхъ царицъ, у двухъ супруговъ царя Феодора, Агаѣи Сем. Грушецкихъ и потомъ у Марѣи Матв. Апраксиныхъ она является полною хозяйкою и тоже исполняетъ важную должность кравчей, но не ради только торжественныхъ столовъ, какъ у царицы Натальи, а повседневно. Должно полагать, что она введена во дворъ и въ комнату къ царевичу Феодору своимъ родственникомъ, любимцемъ царя Алексѣя и его дворецкимъ Богд. Матв. Хитрово, при помощи котораго она постоянно и выслася. Въ чиновныхъ спискахъ ея имя, уже на второмъ мѣстѣ, упоминается еще въ 1698 г.

Находившись такое долгое время, около 70 лѣтъ, въ царицыныхъ хоромахъ, зная насквозь весь царскій домашній обиходъ, всѣ тайныя нити дворскихъ отношеній, эта женщина, всегдашняя приверженница роду Милославскихъ, умѣла такъ, себя держать, что невредимою прошла чрезъ всѣ дворскія смуты конца XVII ст., хотя, какъ говорятъ, была одною изъ начальныхъ причинъ семейной вражды между Милославскими и Нарышкиными, потому что была лютою враждебницею царицы Натальи Кирилловны и всего рода Нарышкиныхъ. Подъ фарисейскимъ только видомъ постница, пустой лицемѣрной бабей святости только устами полная, Хитрая, по прозванію и по истинѣ хитрая видомъ, нравомъ и самымъ дѣломъ, она ушничествомъ и ложнымъ наговоромъ, быть можетъ больше чѣмъ другіе другими средствами, успѣла родовую вражду въ царскомъ домѣ довести до извѣстной печальной стрѣдечной трагедіи. Такъ, по крайней мѣрѣ, писалъ о ней сынъ погибшаго въ этой трагедіи боярина Матвѣева, Андрей Матвѣевъ.

Дворовыя боярыни утверждались въ своемъ званіи особымъ царскимъ указомъ. Соблюдался ли при этомъ обрядъ сказыванья имъ ихъ боярства, неизвѣстно; но вѣроятно царицынъ дворецкій или царицынъ дьякъ привозглашали имъ царскій указъ въ присутствіи царицы и прочихъ боярынь. Этотъ указъ

вносился иногда даже въ записныя разрядныя книги, въ которыхъ напр. читаемъ: 1675 г. іюля 6, „пожаловалъ в. государь въ *верховыя* боярыни стольника Ѳедорову жену Григорьева сына Кокорева *вдову* Марью Иванову дочь, а по отцѣ Акифьевыхъ. А указано ей быть, по указу в. государя въ *святлицу* у мастерицъ и указано ей вѣдать мастерицъ всѣхъ“¹. Такимъ образомъ изъ верховыхъ боярынь нѣкоторымъ поручалось всегда какое либо особое завѣдываніе въ обиходѣ царицына быта. Одна, главнѣйшая боярыня, была *кравчею*, находилась постоянно при царицѣ и была, такъ сказать, ея правою рукою во всѣхъ домашнихъ дѣлахъ ея обихода. Другая завѣдывала вообще царицыною казною и называлась боярыней — *казначеей*, третья была *святличная*, завѣдывала всѣми руководѣніями женскаго царицына чина, четвертая — боярыня — *постельница*, въ вѣдомствѣ которой состоялъ весь постельный обиходъ царицы, въ томъ числѣ и портомойное дѣло; пятая была боярыня — *судья*, разсуждавшая разныя дѣла царицына двороваго женскаго чина, относительно исполненія придворныхъ обязанностей, споровъ и ссоръ между тѣмъ же женскимъ чиномъ, особенно руководѣльнымъ и постельнымъ. Сверхъ того боярынею же называлась и *приказная* Хамовнаго двора, на которомъ изготовлялась всякая бѣлая казна, полотна, скатерти и т. п. Этотъ дворъ находился въ слободѣ Кудашовѣ, отъ чего и боярыня, завѣдывавшая хамовнымъ дѣломъ называлась *Кудашевскою боярынею*. Она впрочемъ не принадлежала къ чину дворовыхъ боярынь, а равнялась по должности казначеемъ.

Верховыя боярыни получали годовое денежное жалованье, смотря по своему достоинству и по значенію ихъ занятій. Въ XVII ст. оно не превышало 50 р. въ годъ, а въ меньшей степени, въ началѣ столѣтія, доходило даже и до 10 р. Впрочемъ средній и обыкновенный ихъ окладъ бывалъ въ 25 р. Кормовыхъ денегъ онѣ не получали, потому что кормы, подачи и питье для нихъ выдавались изъ дворца.

Въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоров., когда онъ собирался жениться на Марьѣ Влад. Долгорукихъ, а царицынымъ дворомъ правила его мать инока Марѣа Ив., дворовыми боярынями были (1624 г. сент. 15) двѣ вдовы княгини Долгорукихъ, Татьяна Степановна и Прасковья, изъ которыхъ первая полу-

¹ Дворц. Разр. III, 1515.

чала годового жалованья 30 р., вторая 28 р. Вѣроятно онѣ назначены были служить во дворѣ молодою царицею, какъ близкія ея родственницы. Третьею боярынею была Марья Юрьевна Головина, получавшая 10 р. Въ 1625 году мая 28, на мѣсто Долгорукихъ, которыя по смерти царицы удалились въ монастырь, именно въ Вознесенскій, къ иноку Марѣѣ Ивановнѣ, по ея же указу велѣно жить въ Верху вдовамъ же Катеринѣ Бутурлиной съ жалованьемъ по 30 р, и княгинѣ Овдотѣ Коркодиновѣ съ жалованьемъ по 25 р., причемъ Головиной назначено по 20 р. Передъ свадьбою царя на Стрѣшневой, въ 1625 г. боярынями были тѣже Бутурлина и Коркодинова; вновь поступили: Ѳедора Заболоцкая (жалов. 25 р.), вдова Соломонида Васильчиковна (жалов. 23 р.) Быть можетъ послѣдняя поступила на мѣсто Головиной, имени которой съ тѣхъ поръ мы не встрѣчаемъ въ запискахъ.

Приводимъ списки боярынь, состоявшихъ въ царицыномъ чинѣ въ теченіи XVII ст.

У царицы Евдокіи Лукьяновны *мамы*: Царевича Алексѣя — Орлина Никитична *Годунова*, жена Ивана Ив.; Ульяна Степ. *Собакина*, жена Сергѣя Степан. Царевича Ивана — Анна Конст. *Стрѣшневна*. Царевны Ирины — княгиня Марья Ив. *Хованская*, жена Ивана Ѳед. Царевны Анны — кн. Ульяна Вас. *Трокурова*, жена Романа Ѳедор. Царевны Татьяны — кн. Марья Ив. *Пронская*, жена Василья Романов.

Боярыни: *Собакина* Ульяна Степ. крайчая 1628 г., а потомъ *мама*. *Бутурлина* Катерина Ив., жена Василья Матв.; Кн. *Мезецкая* Соломонида Петровна, крайчая; Кн. *Коркодинова* Авдотья Ѳедоровна, Свѣтличная. *Васильчиковна* Соломонида. *Заболотская* Ѳедора, постельница. *Травина* Анна Борисовна. *Пушкина* Анна. *Колычова* Анна Андреевна, жена Ивана Ѳедор.; *Скобелцина* Татьяна; Кн. *Одоевская* Анна Ив., жена боярина Ивана Ивановича; Кн. *Туренина* Марья Елизарьевна, жена Василья Ивановича.

У царицы Марьи Ильичны *мамы царевичей*: Дмитрія — Катерина Ѳед. *Милославская*. Алексѣя — кн. Арина Григор. *Катырева-Ростовская*, Кн. Анна Андр. *Мещерская*. Ѳедора — кн. Прасковья Борисов. *Куракина*, Анна Петровна *Хитрая*. Симеона — кн. Авдотья Мих. *Хованская*, Аксинья Алексѣев. *Кологривова*, Кн. Ульяна Ив. *Голицына*. Ивана — кн. Анна Фирсовна *Ухтомская*, съ 1667 г. — *Мамы царевенъ*: Евдокіи — Кн. Ѳетинья Володиміров. *Сицкая*, съ 28 дек. 1651 г.; Кн. Аксинья *Хилкова*; Пелагея Ив. *Ивашкина*. Ц. Марѣи — Ульяна Петр. *Шереметева*, умре 4 апр. 1676 г. Ц. Софьи — кн. Анна Никит. *Лобанова-Ростовская*, съ 1659 г. Ц. Екатерины — Настасья Ѳед. *Шереметева*; Агросинья Демид. *Зубова*; Анисья Юрьевна *Лодыженская*. Ц. Марьи — Дарья Тим. *Смайлева*, съ 1660 г.; Марья Ив. *Ильина*. Ц. Ѳеодосіи — Зиновія Степ. *Головина*; Дарья Силнична *Мясново*, съ 22 мар. 1666 г.

Боярми: Милославская Матрена Сем., съ 30 мар. 1648 г.; *Вельяминова* Анна Мих., урожденная Ртищева, съ 30 мар. 1648 г., крайчая. Кн. *Коркодинова* Авдотья Фед.; *Еропкина* Аксинья Григор., съ 30 мар. 1648 г. *Давыдова* Домна Сем., изъ казначей, съ 14 апр. 1648 г.; *Нарбекова* Наталья Ал.; Кн. *Мещерская* Анна Андр., съ 1663 г., жена князя Лаврентья. *Вельяминова* Устинья Ив.; *Хитрая* Анна Петровна вдова Степана Тарасова Хитрово; *Колоурицова* Аксинья Ив.; *Плещеева* Анна Семеновна; *Колмцова* Анна Егупьевна; Кн. *Горчакова* Агаѣя Роман., съ 1667 г.; Кн. *Волконская* Домна Никит.; Кн. *Хилкова* Анна Матв.

У царевен: Кн. Пронская Марья Ив.; *Собакина* Ульяна Степ.; *Травина* Анна Борис.; Кн. *Щетинина* Ульяна Мих. (Тимое.); *Толстова* Дарья Ив., съ 1663 г.; *Мартюгина* Марья Андр., крайчая у царевенъ большихъ, съ 1659 г.; *Супонева* Анна Матв., съ 1667 г.; *Ивашкина* Пелагея Иван., съ 1667 г.; *Зубова* Афросинья Демид., крайчая царевенъ меньшихъ.

У царицы Натальи Кирилловны при жизни царя Алексѣя мамы: Царевича Петра — Матрена Романовна *Леонтьева*, Кн. Ульяна Ивановна *Голицына*. Царевенъ: Наталья — кн. Прасковья Ив. *Ромодановская*. Феодоры — кн. Анна Львовна *Львова*, жена столбн. кн. Андрея Ив.

Мамы дтей отъ Милославской: Шереметьева Ульяна Петр.; Кн. *Лобанова* Анна Никиф.; *Шереметева* Настасья Фед.

Боярми: Хитрая Анна Петр.; Кн. *Мещерская* Анна Андр.; *Леонтьева* Матрена Роман.; *Вельяминова* Анна Мих.; Кн. *Горчакова* Агаѣя Ром. *Блохина* Матрена Вас., изъ казначей съ 1672 г. на мѣсто Еропкиной. Кн. *Волконская* Домна Никит.; *Соловцова* Анна Степ.; *Давыдова* Марья Борис. съ 1672 г. на мѣсто Вельяминовой Устиньи; Кн. *Ухтомская* Анна Фирсовна; *Плещеева* Федора Ив.; *Толстова* Дарья Ив.; *Мартюгина* Марья Андр.; *Супонева* Анна Матв.; *Ивашкина* Пелагея Ив.; *Мертваго* Аксинья Алексеевна, съ 1672 г. на мѣсто Зубовой, крайчая у царевенъ меньшихъ. *Ильина* Марья Ив.; *Мясная* Дарья Силчна.

Чинъ боярынъ за 1680—1682 г. Мама кн. Анна Никиф. *Лобанова*. *Дворовья: Грушецкая* Марья Матв. у царицы Агаѣи Сем.; *Хитрая* Анна Петр. боярыня у царицъ Агаѣи Сем. и Маремъ Матв.; Кн. *Мещерская* Анна Андреевна; Кн. *Ухтомская* Анна Фирсовна, была послѣ у царицы Прасковьи Фед., умре 20 мар. 1688 г.; Кн. *Горчакова* Агаѣя Ром. боярыня, у царицы Агаѣи Сем., а послѣ у царицы Прасковьи Фед.; *Плещеева* Федора Ив., царицы Агаѣи Сем.; *Вельяминова* Арinna Фед., Свѣтличная, царицы Агаѣи Сем.; *Свинына* Авд. Ив., царицы Агаѣи Сем.; *Орлова* Офимья Ларион.; *Полтева* Анна Ив. царицы Агаѣи Сем. *Неплюва* Федосья Ив. изъ казначей царевича Федора, у царицы Агаѣи Сем., потомъ пострижена въ 1688 г.; *Толстова* Дарья Ив.; *Мартюгина* Марья Андр., у большихъ царевенъ; *Супонева* Анна Матв., у большихъ царевенъ, умре 1688 г.; *Ивашкина* Пелагея Ив., у меньшихъ царевенъ; *Мертваго* Аксинья Ал., у меньшихъ царевенъ. *Ильина* Марья Ив.; *Мясново* Дарья Сил.; *Лодыженская* Анисья Юр., въ 1678 г. у царевенъ меньшихъ; Кн. *Шаговская* Марья Тимое.

Царицы Натальи за 1680 г.: Мама кн. Прасковья Ив. *Ромодановская*.
Боярыни: *Левонтьева* Матрена Ром.; *Блогина* Матрена Вас.; *Кокорева* На-
 стасья Ив., свѣдличная; кн. *Волконская* Домна Никит.

Чинъ боярынь въ 1691 г. и за послѣдніе годы XVII ст. Мамы: кн.
 А. Н. *Лобанова-Ростовская*; Марья Мих. *Салтыкова*; Анна Львовна *Собаки-*
на. *Боярыни*: А. П. *Хитрово*, кн. А. Р. *Горчакова*; *Фустова* Татьяна
 Ив., изъ казначей, умре 1695 г.; кн. А. А. *Мещерская*; Ф. И. *Плещеева*;
 А. Ф. *Вельяминова*; Ф. И. *Неклова*; Д. И. *Толстова*, умре въ 1698 г.;
 М. А. *Мартюгина*; П. И. *Ивашкина*; А. А. *Мертвая*; М. И. *Ильина*;
 Д. С. *Мясная*; А. Ю. *Лодыженская*; *Измайлова* Анна Андр.; *Лодыженская*
 Авдотья Ив., у царицы Марѣи; *Нелединская* Дарья Лук., у царицы
 Марѣи; *Татищева* Прасковья Осип.; *Водорацкая* Уляна Мих. у царицы
 Прасковьи Фед.; *Мотовилова* Мавра Вас.; *Бѣлкина* Марѣя Ив.; *Дурная*
 Аеросинья Павл., изъ казначей, съ 1685 г.; *Панова* Татьяна Ив.; *Кар-*
ташова Соломонида Сав., изъ казначей, съ 1685 г.; *Петрова* Авдотья
 Осип., съ 1695 г. изъ кормилицъ, у царицы Прасковьи Фед.; *Коптева*
 Уляна Ив., изъ казначей; Кн. *Мещерская* Авдотья Вас.; *Заболоцкая*
 Аक्सинья Петр.; *Лепунова* Олена Григор., умре 1698 г.; *Гординова* Авдо-
 тья Данил., изъ казначей; *Тарбеева* Прасковья Матв., умре 1697 г.
 Кн. *Волконская* Марья Ив.; Кн. *Барятинская* Аграфена Фед. съ 1695 г., у
 царицы Прасковьи Фед.; *Бутурина* Татьяна Сем., у царевны Прас-
 ковьи Ив. мама съ окт. 1695 г.

Царицы Натальи: Мама кн. Прасковья Ив. *Ромодановская*; Кн. *Вол-*
конская Домна Никит.; *Ордина Нащокина* Прасковья Борисов., послѣ у
 царевны Наталіи; *Чигачова* Матрена Гавр.; *Ланатина* Авдотья Поли-
 карп.; *Толстал* Авдотья Федот.; *Магова* Лукерья Сем.; Кн. *Угломская*
 Лукерья Гавр. жена окольничаго кн. Ивана Юрьев., кормилица царев-
 ны Наталіи, а съ 19 іюля 1694 г. ея боярыня, на мѣсто умершей кн.
 Волконской.

Царицы Евдокии Лопухиныхъ: *Чурикова* Авдотья Авр.; *Лопухина* На-
 талья Осип.; *Доможирова* Акулина Вас., изъ казначей. *Царевича Алек-*
сандра Петр. Мама Прасковья Алексѣевна *Нарышкина*; боярыня Авдотья
 Сем. *Нестерова*, изъ казначей.

Честь и Мѣсто и на царицыной, половинѣ государева двор-
 ца между женщинами соблюдались съ тою же заботливостью,
 поддерживались и охранялись съ тою же ревностью, какъ и на
 половинѣ государевой, между мужчинами. Честь и мѣсто даже
 дворовыхъ боярынь ставились въ *случай*, когда тягались между
 собою мѣстники—бояре и другіе разрядные люди. Такъ въ 1576
 году Васюкъ Зюзинъ, искавшій своего мѣста передъ Федоромъ
 Нагимъ, ставилъ въ случай между прочимъ и слѣдующее обсто-
 ятельство: „да жила, господине, писалъ онъ боярину—судѣ,
 Петрова мать Шетнева (его родни) Шетинья у государя на съ-
 нѣхъ, и какова была съ Оленою Плещеевою въ государевой

милости, *во чти* (въ чести) *и въ мѣстѣхъ*,—въ томъ у государя въ милости и о сыску челомъ бью⁴.

Въ 1627 году точно также Вас. Пушкинъ, тягавшійся о мѣстахъ съ Андр. Плещеевымъ, подалъ между прочимъ случай, что въ 1547 г. когда царь Иванъ Васильевичъ понялъ въ бракъ царицу Настасью Романовну, то у царицыныхъ саней были Някиѣ. Хвоцинской да Ив. Ив. Плещеевъ, а жена Ив. Плещеева мать Смерда Плещеева, который являлся здѣсь основою спора, была у царицы Настасьи въ Верху и приказано ей было у портомой, а приносила она бѣлое платье (чисто бѣлье) къ боярынямъ, которымъ надъ нею у бѣлаго платья приказано, къ княгинѣ Волконской да къ Оксинѣ Губиной.

Пушкинъ этимъ доказывалъ, что Волконская была больше жены Ив. Плещеева, что больше ее была даже и Аксинья Губина, такъ какъ больше Ив. Плещеева былъ Хвоцинскій, а на Хвоцинскаго и Губина ему Пушкину и случаевъ добыть не умѣть, потому что они молодые дѣти боярскіе. Словомъ сказать, Пушкинъ по этому случаю считалъ себя выше Плещеева многими мѣсты. Если такимъ образомъ честь и мѣсто дворовыхъ боярынъ шло, какъ говорится, тоже, какъ всякое лыко, въ строку при мѣстническихъ счетахъ, то имъ естественно было поднимать такіе счета и при ихъ назначеніи во дворъ царицы, гдѣ онѣ никакъ не хотѣли занимать должность меньшую противъ своихъ мѣстницъ или совмѣстницъ. По поводу одного такого назначенія возбуждено было очень большое счетное судное дѣло между знаменитымъ кн. Дмитр. Мих. Пожарскимъ и кн. Борисомъ Михаил. Лыковымъ.

Въ 1602 г., при царѣ Борисѣ Годуновѣ, велѣно быть у царицы Марьи Григорьевны въ дворовыхъ боярыняхъ Княгинѣ Марьѣ Лыковой, матери Бориса Лыкова, а у царевны Ксеніи Борисовны княгинѣ Марьѣ Пожарской—матери Дмитрія Михайловича. Пожарскій сталъ бить челомъ Царю Борису и писалъ въ челобитной, что по царской милости и по своему отечеству, его матери, княгинѣ Марьѣ, быть меньше княгини Лыковой не вмѣстно, а можно его матери больше быть княгини Лыковой многими мѣсты и государь бы его пожаловалъ велѣлъ ему съ кн. Мих. Лыковымъ въ отечествѣ дати судъ и счетъ. Пожарскій считалъ себя даже больше отца Борисова Михайлы, потому и просилъ считаться съ нимъ, а не съ сыномъ. Однако государь приказалъ боярамъ: въ отечествѣ его судить и раз-

ряды сыскать съ Борисомъ Лыковымъ. Бояре спросили: почему матери его кн. Марья меньше быть кн. Борисовой матери не можно? Пожарскій привелъ множество случаевъ о чести и мѣстахъ своего рода и ни одного о чести и мѣстахъ дворовыхъ боярынь, какъ можно было бы ожидать отъ этого спора: ясно, что счеты о женскихъ мѣстахъ возникали не сами по себѣ, не были особыми самостоятельными придворными счетами, и вполнѣ зависѣли отъ общихъ мѣстническихъ счетовъ, въ которыхъ женское мѣсто точно также, какъ и мужское, становилось *случаемъ*, находкою.

Споръ и судъ не былъ вершенъ при царѣ Борисѣ и возобновился слишкомъ черезъ 6 лѣтъ уже при царѣ Васильѣ Шуйскомъ и при томъ со стороны Бориса Лыкова, который объяснилъ, почему и судъ не былъ оконченъ. Въ своей челобитной царю Шуйскому онъ писалъ: „А прежь сего, при царѣ Борисѣ въ 1602 и въ 1603 годахъ кн. Дмитрій Пожарской доводилъ на меня Бориска ему царю Борису многіе затѣйные доводы, что будто я, ѣхоясь съ Голицыными да съ кн. Борисомъ Татевымъ, про него царя Бориса разсужаю и умышляю всякое зло. А мать его князь Дмитріева княгиня Марья въ тѣхъ поры доводила царицѣ Марья на мать мою, что будто, мать моя съѣзжаючись съ княгинею Василья Ѳеодоровича Шуйскаго—Скопина Оленою и будто ся разсуждаютъ про нее царьцу Марью и про царевну Оксѣью злыми словесы. И за тѣ затѣйные доводы и за иная многая лганья царь Борисъ и царица Марья на мать мою и на меня наложили опалу, учали въ томъ гнѣвъ держати безъ сыску, и матери моей не велѣли безъ указу отъ себя съ дворишка съѣзжать (выѣзжать изъ своего дома). И въ тѣ поры тотъ кн. Дм. Пожарскій *не по своему отечеству и не по стычку*, тѣша его царя Бориса, билъ челомъ на меня въ отечествѣ о судѣ, и царь Борисъ его кн. Дмитрія за тѣ затѣйные доводы и за многая лганья жалуючи, а меня, по своему тайному гнѣву, позоря и казня, вмѣсто смертныя казни (какъ бы на смертную казнь) велѣлъ мнѣ въ неволю (неволю) отвѣчать ему кн. Дмитрію въ отечествѣ. И кн. Дмитрій на судѣ говорилъ и разряды подавалъ Стародубскихъ и Рязоловскихъ князей, будто они больше бывали моихъ родителей Оболенскихъ князей. А самъ онъ къ тѣмъ Стародубскимъ и Рязоловскимъ ко многимъ князьямъ причиталъ отца своего и себя по родословцу лѣсвицею, и ставилъ отца своего,

въ лѣсвицѣ, больше многихъ (тѣхъ) князей, а своихъ ближнихъ родителей, Пожарскихъ князей, которые бывали въ родовыхъ прикащикахъ и у иныхъ (подобныхъ) дѣлъ, за ихъ худобою ни въ какихъ случаяхъ не подавалъ и потому своему умыслу и по тѣмъ своимъ затѣйнымъ доводамъ хочетъ больше быть меня лѣсвицею родословіемъ, а не отечествомъ, т. е. ближними родители, и не по разрядамъ. И послѣ того суда я многожды царю Борису бивалъ челомъ о вершени того суда и царь Борисъ, не жалючи меня за тѣ его кн. Дмитриевы и его матери затѣйные доводы, того суда вершить не велѣлъ, а велѣлъ меня для своей доуки послать на службу въ Бѣлгородъ и тотъ судъ и по ся мѣста не вершеть; а нынѣ кн. Пожарской по тому суду меня съ собою въ ровенствѣ ставитъ“. Вообще тяжбу Пожарскаго Лыковъ объяснялъ придворными интригами и случай между ихъ матерями, который подавалъ поводъ тягаться съ нимъ Пожарскому не почиталъ настоящею мѣстническою стычкою. — Какъ бы ни было, но подобные случаи признавались въ мѣстничествѣ тоже опасными для родовой чести и въ извѣстныхъ обстоятельствахъ могли служить не малою потеркою и позоромъ всему роду, оттого мѣстники и были такъ чувствительны ко всякой мелочи въ своихъ мѣстническихъ счетахъ.

При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, 1627—1630 г., къ его супругѣ царицѣ Евдокиѣ Лукьяновнѣ была опредѣлена въ Верхъ въ дворовыя боярыни княгиня Ульяна Васильевна Троекурова, жена Романа Ѳед. Троекурова, и учинена во всемъ царскомъ жалованѣ равною съ боярынею Катериною Ивановною Бутурлиною, женою Василья Матв. Бутурлина. Въ этотъ разъ Троекурова самолично подала государю челобитную и объясняла, что ей съ Катериною Бутурлиною въ равенствѣ быть не можно: „по вашей государской милости, по нашему отечеству, правдѣ родной Вас. Бутурлина и его дѣды и дѣдъ его родной и дядя большой вездѣ въ *пятихъ* и въ *шестихъ* товарищахъ (бывали) съ дядею моимъ да съ отцомъ въ вашихъ государскихъ разрядахъ“. Въ доказательство она стала перечислять случаи и въ заключеніе просила: „милосердый государь, пожалуй меня рабу свою, невели мнѣ быть въ ровенствѣ съ Бутурлиною, и вели по своимъ разрядамъ на Бутурлина въ нашемъ отечествѣ свою царскую боронь учинить, чтобъ родству нашему тѣмъ впередъ позорнымъ отъ Бутурлиныхъ не быть. Царь го-

сударь смилуйся!“ Рѣшено было противъ указанныхъ случаевъ вывести справки изъ разрядовъ; но чѣмъ окончилось дѣло, неизвестно. Знаемъ только, что въ спискахъ дворовыхъ боярынь Троекурова ставилась выше Бутурлиной.

Въ февралѣ 1623 года царь Михаилъ Ѳед. женилъ царевича Михаила Кайбуловича на дочери Григорья Ляпунова, Марьѣ, а на свадьбѣ указалъ быть въ сидячихъ боярахъ: Ив. Плещееву, и князьямъ Роману да Никитѣ Гагаринымъ, а въ сидячихъ боярыняхъ ихъ женамъ: Настасьѣ Семеновнѣ Плещеевой и княгинямъ Катеринѣ Матвѣевнѣ и Марьѣ Михайловнѣ Гагаринымъ. По случаю же болѣзни Плещеевой велѣно быть ея дочери, по мужѣ Вельяминовой. Гагарины тотчасъ заявили, что по росписи нѣтъ назначено быть меньше Плещеева, что теперь они хотя садятся подъ нимъ, но впредь станутъ бить челомъ государю; а женамъ ихъ меньше Вельяминовой никакъ быть нельзя. Между тѣмъ Вельяминова не сама себя представляла въ сидячихъ боярыняхъ, а представляла только свою мать, почему на свадьбѣ ее и называли не собственнымъ ея именемъ, а именемъ матери, Ивановою женою Плещеева; она только занимала мѣсто матери. Гагарины же не хотѣли сидѣть именно подъ Вельяминовой, какъ очень молодой передъ ними. Однако изъ Разряду велѣно было князей посадить сильно на назначенныхъ мѣстахъ; „да изъ Разряду же прѣвзжалъ разрядный дьякъ, а велѣлъ княгинѣ Гагариныхъ посадить (стало быть также сильно) подъ Вельяминовою. Вообще велѣно сидѣть по росписи, гдѣ кому указано, а кому до кого будетъ дѣло и они впредь государю бей челомъ.... И они по росписи сидѣли, и послѣ свадьбы Гагарины никто не билъ челомъ.

Подобныя столкновенія даже и между женщинами во дворцѣ были дѣломъ обычнымъ и неизбѣжнымъ по самому существу мѣстническихъ отношеній, ибо во дворцѣ честь и мѣсто никогда не были мечтою. Здѣсь извѣстная мѣстническая потеря чести и мѣста всегда сопровождалась потерей и многихъ служебныхъ весьма существенныхъ выгодъ, и не для одного лица, а для всѣхъ его родичей. Можно было о чемъ подумать и похлопотать, можно было вытерпѣть и батоги, и тюрьму и опалу, и всякія личныя униженія, лишь бы сохранить то мѣсто, съ которымъ пріобрѣталась, а иначе вовсе терялась извѣстная служебная ступень, а съ нею всѣ существенныя блага, именно денежныя и помѣстные овлады.

Но честь и мѣсто, какъ понятіе о достоинствѣ лица, глубоко коренилось въ нравахъ всего народа, отъ дворца до людскихъ помѣщичьихъ избъ, во всякомъ домѣ, гдѣ собирались люди, и особенно во всякомъ домѣ, гдѣ встрѣчалось какое либо служебное господарское раздѣленіе людей, гдѣ былъ дворъ въ смыслѣ дворовыхъ людей. Вотъ напр. что писалъ въ 1681 г. изъ Москвы нѣкій дворецкій къ своему помѣщику (Андрею Безобразову): „а что, государь, написано въ памяти (твоей), чтобъ бабъ развестъ по избамъ, и бабы, государь, ни которая не слушаетъ, все лиша бранятца межъ себя, и меня, холопа твоего, не слушаютъ, лаютъ; и ихъ развестъ безъ твоего де государскаго указу нельзя, все большіе и старые. Приходилъ я, холопъ твой, многожды въ избу и имъ говорилъ, чтобъ *измѣстили* Марью Чеглокову, дали мѣста; и онѣ не даютъ, никто не хочетъ *ниже сидѣть*“....¹

Послѣ верховыхъ боярынь, вторая степень женскихъ царичьихъ чиновъ принадлежала *казначеймъ*, на рукахъ которыхъ сохранялась всякая казна, всѣ уборы, вещи, деньги, различныя матеріи и т. п. Онѣ вели приходъ и расходъ этой казны, а по тому должно полагать, что по своимъ обязанностямъ онѣ необходимо были грамотницами. Это подтверждается еще и тѣмъ, что инныя казначей исполняли вмѣстѣ и должность комнатныхъ псаломщицъ, комнатныхъ чтидъ или читальщицъ. Казначей находились при каждой комнатѣ особо, т. е. у казны царицной, у казны каждаго царевича и каждой царевны. Такимъ образомъ ихъ штатное число опредѣлялось числомъ членовъ царской семьи. Впрочемъ у самой царицы обыкновенно бывало по двѣ казначей. Годоваго жалованья онѣ получали по 8 р., да кормовыхъ по 6 денегъ или по 3 копейки на день.

Послѣ казначей слѣдовала *ларешница*, у которой на рукахъ были комнатныя ларцы, и которая собственно была второю казначеею у царицы, ибо эта должность состояла только при комнатахъ одной царицы, а у другихъ членовъ царской семьи ларцами завѣдывали тѣже казначей. Послѣ долгой и испытанной службы казначей нерѣдко жаловались въ санъ верховыхъ боярынь.

¹ Русскій Истор. Сборникъ, V, 3; II, 268—272. Временникъ VI, 15; XIV, 25, 105; IX, 57. Дворц. Разр. I, 538; Визл XIII, 128.

ромъ равенствѣ съ казначеями были еще слѣдующія: 1) *учительницы* малолѣтнихъ царевенъ грамотѣ, какъ и иногда называли въ томъ же смыслѣ *мастерицы*. Въ *кормильницахъ* были: *мастерица* Марья, учившая царевну Мих.; Авдотья Пыпина, Варвара Лгова, Ѳедора Лгова, учившія царевенъ съ 1675 по 1691 г.

Кормилицы царевичей и царевенъ. Изъ кормилицъ по чину поступали, съ уменьшеніемъ чина и значенія, въ постельныя или въ комнатныя бабки, а съ возвышеніемъ — даже въ верховныя боярыни. Впрочемъ государева кормилица оставалась своимъ чину до смерти и получала, въ видѣ пенсіи, всѣ оклады. На такомъ положеніи оставались кормилицы царя ксѣя, старица Анисья Ивановна, и царя Ѳедора Ал., Анна Ивановна и пр. По окладу жалованья и учительницы-мастерицы и кормилицы равнялись казначеямъ.

Псаломщицы, получавшія жалованья по 6 руб. въ годъ, по 6 д. Впрочемъ эту должность исполняли обыкновенно назначенныя, какъ штатныя грамотницы. Такъ у царевны Татьяны Мих. псаломщицею была ея казначея Василиса Питова, вступившая въ дворцовую службу въ 1646 г. казначеей къ царевнѣ Иринѣ. Въ 1690 г. она умерла и на ея мѣсто опредѣлена псаломщицею Татьяна Мартынова.

Подъ казначеями въ чину стояли *боярышни двѣицы*, *спяныя боярышни*, жившія въ комнатахъ царицы и царевенъ для разныхъ услугъ. Это была третья степень царицына дворцоваго чина. У царевенъ, онѣ стольничали и какъ сверстницы жили для игръ и забавъ и вообще для собесѣдничества, по этому и штатное число ихъ не было ограничено. Онѣ избирались изъ дворянскаго сословія; но по преимуществу попадали въ Верхъ по отношеніямъ царицына родства или родства верховыхъ боярынь. Котошихинъ говоритъ: „а котораго боярина или окольного и думнаго и ближняго челоуѣка, дочь двѣица, или вдова, понадобится царю или царевнамъ, для житья взяти къ себѣ въ домъ, и имъ то вольно, кромѣ самыхъ большихъ бояръ дочерей“. Дѣйствительно царю вольно было брать къ себѣ въ комнаты, кого она похочетъ. Но мы уже видѣли, какъ Дворъ опасался людей мало извѣстныхъ, не сверстныхъ и не родственныхъ, на которыхъ не могъ вполне полагаться во всемъ; поэтому, какъ въ дворковыя боярыни, такъ и въ боярышни двѣицы, избирались лишь тѣ, которыя вообще бывали близки царю по свойству

и родству или по старинной испытанной дружбѣ и службѣ. Родовитыхъ и знатныхъ именъ въ этихъ чинахъ и особенно въ чинѣ боярышень вообще не встрѣчается. Должно думать, что здѣсь всегда набирался только особый родственный и свойственный царицѣ кружокъ, вовсе недоступный для другихъ, хотя и знатныхъ, но мало ей извѣстныхъ личностей.

Бояршни дѣвицы, живя постоянно въ комнатахъ царицы и царевенъ, на всемъ готовомъ содержаніи, конечно, не нуждались и въ отдѣльномъ чиновномъ годовомъ жалованьи. Все, что было имъ нужно, жаловала царица. Но въ концѣ XVII ст. и онѣ стали получать окладное жалованье, старшія по 7 р. въ годъ, младшія по 5 р. и самыя меньшія въ чину по 3 р.

Къ тому же чину дѣвицъ-боярышень принадлежали и *карлицы*, которыхъ занятія также не были опредѣлены особою какою либо должностію. Жалованья онѣ получали въ рядъ съ меньшими боярышнями, рубля по 3 и по 5 р. Число дѣвицъ боярышень вмѣстѣ съ карлицами бывало, какъ мы сказали, не одинаково. Въ 1682 г. ихъ было, получавшихъ по 7 р. — 11 человекъ; по 5 р. — 36 человекъ; по 3 р. — 4 человека. Въ 1691 г. получавшихъ по 7 р. — 12 ч.; по 5 р. — 38 ч.

Четвертую степень царицыныхъ чиновъ занимали *постельницы* и *комнатныя бабы*. Имя постельницъ обозначаетъ и ихъ должностію; онѣ „постели постилали подъ царицу и подъ боярынь, и спали у царицы въ Верху по суточно, по перемѣнамъ; сидѣли у царицы въ сѣняхъ, поденно¹; а жены дворовыхъ всякихъ чиновъ людей, разумѣется меньшихъ степеней.

При каждой комнатѣ, какъ-то у царицы, у каждаго царевича и у каждой царевны находились свои особыя постельницы, число которыхъ не всегда было одинаково. У царицы ихъ было человекъ по 20 и по 25; въ 1683 г. у царицы Марѣы Матв. Апраксиныхъ ихъ было 30. У царевичей отъ 2 до 5; у царевенъ, старшихъ отъ 8 до 12, и больше; у младшихъ отъ 2 до 5 и больше. Окладнаго жалованья шло имъ въ годъ по 4 р., кормовыхъ, старшимъ по 6 денегъ, остальнымъ по 3 деньги на день.

Кромѣ постельницъ у царицы и у царевенъ при каждой комнатѣ, находились *комнатныя бабы*, по одной у каждой ца-

¹ Въ 1677 г. изготовлены „двѣ шубы песцовыя подъ стамедомъ, старыя, постельницамъ, въ чемъ сидѣть у царицы въ сѣняхъ“.

ы и двѣ у царицы. Это были собственно лекарки и по-
 яли во дворецъ изъ принимальныхъ, или повивальныхъ
 окъ, оставаясь здѣсь по всему вѣроятію, послѣ каждаго
 ншъ при комнатѣ ребенка, котораго онѣ повивали или при-
 али. Онѣ получали жалованья по $1\frac{1}{2}$ р. въ годъ, кормовыхъ
 ѣко же, сколько и постельницы; хлѣба по 6 четей ржи и овса.
 ятую степень занимали *мастерицы* и *ученицы*, *золотныя* и
ыя, т. е. золотошвей и бѣлошвей, „мужни жены и вдовы и
 ницы, честныхъ и среднихъ чиновъ дворовыхъ людей, ко-
 ыя дѣлають и шьютъ золотомъ и серебромъ и шелками, съ
 еньемъ и съ жемчугомъ“. Число ихъ также какъ и постель-
 цъ было не одинаково и увеличивалось постепенно, вмѣстѣ
 варожденіемъ царскаго семейства и распространеніемъ по-
 бностей и надобностей двора. Въ первой половинѣ XVII ст.
 доходило до 40 слишкомъ человекъ. Въ 1626 году золот-
 ь мастерицъ было 15 ч., а бѣлыхъ 11 ч. Въ 1682 г. ихъ
 59 ч. и 22 ученицы, въ 1691 г. — 87 чел. и съ ученицами.
 овое жалованье и кормовыя деньги назначались имъ не
 аково, смотря по мастерству и трудолюбію. Первостепен-
 я получали отъ 2 до 4 р., среднія по 1 р. и по $1\frac{1}{2}$ р., мень-
 шія, а равно и ученицы по полтинѣ. Въ 1627 г. мастерицы
 первой статьи получали 4 р., второй 3 р., третьей и четвер-
 той $2\frac{1}{2}$ р., пятой 2 рубля въ годъ. Кормовыхъ старшія полу-
 чали по 5 и по 6 денегъ, среднія по 4, младшія по 3 и уче-
 ницы по 2 денги на день. Хлѣбнаго, ржи и овса, старшія по-
 лучали по 7 и 8 четей, среднія по 5 и 6, младшія по 3 и 4
 чети. У кого было помѣстье, тѣмъ хлѣбнаго жалованья не да-
 вали. Число хорошихъ мастерицъ стояло въ разное время боль-
 шею частію на 30, отчего онѣ и назывались даже *тридцатни-*
цами, такъ что попасть въ списокъ такихъ тридцатницъ зна-
 чило приобрѣсть настоящую степень мастерства. Мастерицы
 и ученицы были жены и дочери, дворовыхъ же государевыхъ
 людей, царицыныхъ дѣтей боярскихъ, сытнаго и кормоваго
 двора стряпчихъ, подключниковъ, конюховъ, подьячихъ, а инныя
 и изъ городского дворянства. Когда въ 1680 г. произведена
 была повѣрка ихъ дворовой службы, то оказалось, что нѣкото-
 рые служили въ Свѣтлицѣ лѣтъ по 50, напр. Катерина Теми-
 рева, Татьяна Перепечина, а Анна Лукьянова Маслова слу-
 жила 58 лѣтъ; другія 40, 36 лѣтъ, 33 года, 27, 25 и вообще
 слишкомъ по 20 лѣтъ.

Шестую и послѣднюю степень женскаго царицына чина занимали *портмои* или по Котошихину — *мовницы*, иначе прачки, „которые платье моютъ; жены дворовыхъ людей. А когда прилучится имъ мыть платье, говоритъ Котошихинъ, и то платье зимою и лѣтомъ возятъ на рѣку въ саяхъ, въ сундукъ, загнувъ и запечатавъ, покрывъ краснымъ сукномъ; а затѣмъ платьемъ идетъ боярыня, для береженья“. Число ихъ въ началѣ XVII ст. было не велико, всего 8 челов.; оно увеличилось съ рожденіемъ царскаго семейства и въ концѣ столѣтія доходило до 30 челов. Въ 1682 г. ихъ было 24, въ 1691 г. — 28 чел. Жалованья онѣ получали по 3 р. въ годъ, кормовыхъ по 6 денегъ на день. Хлѣба, ржи по 10 четей безъ полуосмины, овса по 15 четей съ осминою.

Общее число царицына женскаго чина, какъ мы видѣли не было опредѣлено какимъ либо штатнымъ положеніемъ. Оно постоянно измѣнялось, смотря по дѣйствительной надобности въ людяхъ. Праздныхъ и только штатныхъ должностей не существовало. Очень немногія лица сохраняли свои мѣста лишь въ видѣ пенсіи и то въ исключительныхъ случаяхъ. Такъ мама царевны Софіи княгиня Лобанова-Ростовская очень долго оставалась на своемъ мѣстѣ и съ получаемымъ окладомъ, который былъ даже увеличенъ до 100 р. Но быть можетъ она несла при этомъ какую либо особую дворцовую обязанность. Она оставалась мамою и по удаленіи Софіи въ монастырь. Затѣмъ долго оставались на своихъ мѣстахъ кормилицы государей.

Число женскаго чина младшихъ степеней, начиная съ канцелей, какъ и число боярынь, въ теченіи XVII ст. съ приращеніемъ царскаго семейства, постепенно увеличивалось. Въ 1620-хъ годахъ это число стояло около 60 чел.; въ тридцатыхъ годахъ оно простиралось не много за 100; въ 1630 г. было 102 чел., въ 1634 г. — 106; въ 1637 г. — 113; въ 1640 г. — 120; черезъ десять лѣтъ, въ 1650 г. — было 149 челов.; въ 1660 г. — 178; въ 1673 г. — 233 чел.; въ 1691 г. — 264.

Въ первое время всѣ младшія степени чина, начиная съ канцелей получали кормъ изъ Дворца, какъ и боярыни; но съ 1 сент. 1626 г. имъ были назначены кормовыя деньги, отъ 6 до 2 денегъ въ день, смотря по чину и по старшинству въ своемъ чинѣ.

Женскія лица неслужебнаго чина, число которыхъ не было значительно и къ которымъ принадлежали дурки-шутихи, уро-

ыи, богомолицы, дѣвочки-сиротинки, калмычки, арапки и п. — упомянуты въ предыдущей главѣ. Этотъ чинъ пользо- лся готовымъ дворцовымъ содержаніемъ, получая все надобное я одежды и для своего личнаго обихода изъ царицыной казны.

Мужскій царицынъ чинъ можно распредѣлить на приказный, стовой, стольничій, походный, истопничій, и мастерской. Приказный чинъ управлялъ всѣмъ вѣдомствомъ; онъ собственно и составлялъ *Постельный* (комнатный, кабинетный) *Приказъ государыни царицы*, иначе *Приказъ царицыной мастерской палаты*, что имѣло тотъ же смыслъ. Приказъ представляли собственно только два лица, царицынъ дворецкій, стояв- ій во главѣ вѣдомства, и дьякъ. Царицынымъ дворецкимъ валь обыкновенно близкій человекъ по родству, по свойству и по старой испытанной службѣ. Такъ у царицы Евдокии ѡбшневыхъ дворецкимъ былъ ея дядя Фед. Степ. Стрѣшневъ, же Вас. Ив. Стрѣшневъ. У царицы Марьи Милославскихъ первое время Прокошій Фед. Соковнинъ, потомъ Вас. Мих. опкинъ, а въ послѣднее время сынъ перваго Федоръ Соков- нъ. У царицы Натальи Нарышкиныхъ Аврамъ Никитичъ Лопухинъ.

Должность царицына дворецкаго по значенію равнялась званію окольничаго, поэтому и лица, занимавшія ее постепенно изъ простыхъ дворянъ возводились въ думные дворяне, а напослѣдокъ въ окольничіе. Правую руку дворецкаго и главную силою всего Приказа былъ дьякъ, на обязанности котораго лежала вся письменная часть вѣдомства и все дѣлопроизводство. Онъ велъ приходныя и расходныя книги, денежные и матеріальныя, и своею подписью утверждалъ расходъ; составлялъ описи и переписи всякой казны, чиновные и всякіе другіе списки и росписи подвѣдомыхъ лицъ; производилъ и записывалъ сыскныя и распросныя дѣла и т. д.; словомъ сказать, это былъ главный секретарь царицы, производитель всякаго ея *приказа* и всякаго назначенія и распоряженія. Его жалованье равнялось съ жалованьемъ первыхъ боярынъ — мамъ. Въ концѣ XVII ст., именно при царѣ Федорѣ въ чину находились два дьяка одинъ получалъ 80 р., другой 70.

Канцелярія дьяка состояла изъ двухъ или трехъ, а впоследствіи и изъ пяти подьячихъ, изъ которыхъ старшіе получали

жалованья по 25 р., а младшіе по 20, слѣд. столько же, сколько и верховныя боярыни.

Такъ какъ дѣякъ представлялъ главный узелъ всякихъ дѣлъ Приказа, то Котошихинъ при обозначеніи, кѣмъ приказъ управляетъ, вовсе и не поминаетъ дворецкаго, а говоритъ только, что въ томъ приказѣ *сидитъ* дѣякъ, а надсматриваетъ казначея-боярыня. Это указаніе должно понимать въ томъ смыслѣ, что дѣйствительно боярыня казначея, какъ правая рука царицы и главный органъ ея ежедневныхъ приказаній, являлась по необходимости и главною управительницею приказа во всемъ томъ, что касалось такъ сказать матеріальной и технической стороны вѣдомства, которое все таки было мастерскою палатою, т. е. учрежденіемъ для устройства всякихъ домашнихъ, комнатныхъ, постельныхъ царицыныхъ обиходовъ, при чемъ дворецкій, конечно, не могъ участвовать своею службою. Въ томъ приказѣ вѣдомо, говоритъ Котошихинъ, царицыно, и царевичей и царевенъ платье и мастеровые люди; вотъ именно эта сторона дѣла и находилась въ надзорѣ боярыни-казначей. Въ вѣденіи дворецкаго оставалась такъ сказать внѣшняя, наружная сторона дѣла, т. е. всѣ распоряженія, касавшіяся служебныхъ лицъ, разбирательство ихъ споровъ, судъ надъ ними и т. д., и потомъ всякое царицыно дѣло, производимое или устраиваемое внѣ хоромъ царицы, а также и всякія сношенія съ другими вѣдомствами.

Въ Приказѣ, кромѣ того, были вѣдомы Хамовныя слободы и села, въ Москвѣ — Кадашево, въ Твери — Константиновская, переведенная потомъ въ Москву же, и въ Ярославской сторонѣ села Брейтово и Черкасово, которыя выдѣлывали на царскій обиходъ полотна и всякую *блную казну*. Всѣ эти люди, какъ и всѣ царицыны чины, судомъ и расправою въ истцовыхъ искахъ были вѣдомы исключительно въ приказѣ мастерской царицыной палаты.

Къ крестовому царицыну чину мы относимъ крестовыхъ дьяковъ, служба которыхъ намъ уже отчасти извѣстна (т. I стр. 199): они служили у *крестовъ* во время обычныхъ повседневныхъ моленій царской семьи, читали и пѣли, псалтырь говорили, конархали. Одинъ изъ нихъ, начальный, именовался *установщикомъ*. Это по всему вѣроятію былъ знатокъ церковнаго устава и въ то же время регентъ; онъ управлялъ порядкомъ чте-

нія и пѣнія. Число крестовыхъ дьяковъ въ разное время было не одинаково. У царицы Евдокіи Стрѣшневыхъ ихъ было всего 4 человека; у Марьи Милославскихъ въ 1654 г. — 6 чел. и у царевенъ 5 чел. При царицѣ Натальи Кирилловны было 2 уставщика и 26 чел. крестовыхъ. Въ 1682 г. царицыныхъ дьяковъ было 8 чел. и съ *уставщикомъ*, да кромѣ того у большихъ царевенъ 8, у меньшихъ царевенъ 9, у царевича Ивана Ал. 10 чел. — Жалованье они получали разное, вѣроятно по заслугамъ, по познанію и по способностямъ. Уставщикъ получалъ 25 р.; царицыны старшіе по 10 р., средніе по 7 р., младшіе по 5 р.; — у царевенъ большихъ старшіе 25 и 20 р., средніе 12 и 13 р., младшіе 9 и 10 р.; — у царевенъ меньшихъ старшіе 25 р. и 20 р., средніе отъ 11 до 16 р., младшіе 10 р. и 7 р.; — у царевича отъ 16 р. и до 4 р. Сверхъ того всѣ они получали *кормовыя* деньги, главные по 6 р., 1 статьи по 4 р., 2 статьи по 3 р.; также *славленыя* или праздничныя рождественскія первой статьи по 2 р., второй по 1 р., и *причастныя*, на два поста на великій и успенскій, уставщикъ по 4 р., остальные по 2. Въ 1650-хъ годахъ за причастное сукно, на кафтанъ, уставщикъ получалъ по 6 р., остальные по 3 р. и кромѣ того за годовые сукна по 5 р. каждый.

Въ стольничемъ чинѣ состояли царицыны стольники, которые по своей должности по лѣтамъ и по положенію были отчасти тоже, что нажи. Въ стольники къ царицѣ, по словамъ Котошихина, — берутъ боярскихъ и окольныхъ и ближнихъ людей дѣтей, лѣтъ по 10 ростомъ (возрастомъ); а какъ они будутъ лѣтъ 15 или 17 и они въ томъ чинѣ не бываютъ, а бываютъ въ царскій чинъ взяты, въ стольникижъ или (особенно близкіе) въ спальники. А бываетъ ихъ въ стольникахъ человекъ 20⁴. Прямая должность ихъ обозначена самымъ ихъ званіемъ. Они стольничали за столомъ царицы и кромѣ того сопровождали ее въ выѣздахъ и походахъ. Какъ дѣтямъ имъ не было опредѣлено окладнаго жалованья, но за то ихъ должность проводила ихъ на лучшую дорогу на дѣйствительной службѣ въ государевомъ чинѣ. Хотя Котошихинъ и говоритъ, что это были дѣти бояръ и вообще первостепеннаго сословія въ государствѣ, однако, судя по фамиліямъ, изъ которыхъ избирались царицыны стольники, мы должны замѣтить, что всѣ эти фамиліи вовсе не принадлежали людямъ знатнымъ. Это были во-

обще дворяне рядовые, мелкопомѣстные, нисколько не знатные и вступавшіе во дворецъ лишь по дворцовымъ же связямъ, особенно по свойству и родству съ царицею или съ приближенными къ ней людьми. Такъ напр. у царицы Евдокии Стрѣшневыхъ въ столъникахъ находимъ Сем. Лук. Стрѣшнева, Алексѣя Никит. Годунова, Ив. Ѳед. Стрѣшнева большаго, Ив. Ѳед. Стрѣшнева меншаго, Вас. Вас. Бутурлина, сынъ Вас. Матв.; Ив. Льв. Волкова, Якова Стрѣшнева, Аѳанасья Стрѣшнева, Як. Ив. Безобразова, кн. Ѳед. Ромодановскаго, сынъ Григорія Петр. — У царицы Натальи Кирилловны столъниками были тоже все родственники, Нарышкины: Левъ, Мартемьянъ, Ѳедоръ Кириловы, Кирила Алексѣевъ, Василій, Андрей, Семенъ Ѳедоровы и пр. У царицы Марьи Ильичны Милославскихъ находимъ въ столъникахъ въ первое время: Милославскаго Матв. Багдая., Голохвастовыхъ Кузьму и Ивана, Ртищева Ѳед. Мих., Соковнина Алексѣя Прок., сына ея дворецкаго Прокопья Ѳедоровича; Еропкина Ѳед., Траханиотова Александра Ив.; потомъ: Ртищева Луку Григ., Колычова Алексѣя Як., Потемкиныхъ Степана Петр. и Ѳедора Ив., Чичериныхъ Петра, Андрея и Артемья Яковлевыхъ, Ржевскаго Алексѣя Ив., Хитрово Петра Савел., Мартюхина Ивана Арт., Еропкина Ив. Ив., Кн. Елецкаго, Луговскаго, Нарбековыхъ, Блохина, Вельяминова, Сомова, Орлова, Прончищевыхъ, Панина, Соколова, Жданова, Кологривовыхъ, Лукина, Протасьева, Зиновьева, Собакиныхъ, кн. Львова, Кузьмина, Головина, Полтева, Свинына, Дашкова, Кутумова, кн. Вяземскаго Ѳед. Як., кн. Волконскаго Ив. Вас., кн. Мещерскаго Петра Ѳед., Мусина Пушкина Ив. Алекс., Бутурлина Ив. Ив., кн. Козловскаго Ѳед. Григ., Змѣева, кн. Долгорукова Влад. Дмитр.

Все это дѣти людей не совсѣмъ знатныхъ и извѣстныхъ въ то время. Напротивъ здѣсь видимъ довольно семействъ, которыя принадлежали дворовымъ боярынямъ, каковы Мещерскіе, Волконскіе, Нарбековы, Собакины, Вельяминовы, Мартюхины, Колычовы, Хитрово, Еропкины, Сомовы, Орловы, Блохины, Кологривовы, и т. д., такъ что составъ этихъ столъниковъ видимо наполнялся родствомъ и свойствомъ дворовыхъ царицыныхъ чиновъ. Затѣмъ еще у царицы Марьи, т. е. въ то время, когда писалъ о дворѣ Котошихинъ, указавшій, что столъниковъ бывало человекъ 20, — мы находимъ ихъ гораздо больше. Къ концу XVII ст. число ихъ быстро возрастаетъ, особенно

съ того времени, когда въ государскомъ дворѣ явилось нѣсколько царицъ, собиравшихъ каждая около себя свой особый чинъ, и особенно быть можетъ по той причинѣ, когда молодой царь Петръ сталъ забирать своихъ сверстниковъ дворянъ къ себѣ на службу, въ свое потѣшное войско. Тогда всѣ тѣ, кто не желалъ, чтобы дѣти ихъ потѣшничали и стало быть по понятіямъ вѣка безобразничали въ Преображенскомъ, всѣ вообще лежебоки и бѣлые руки старались уйти въ стольники къ царицамъ, гдѣ служба была женская и легкая. Въ 1686 г. у одной царицы Прасковьи Федоровны супруги царя Ивана Алексѣевича ея стольниковъ числилось уже 263 человекъ, изъ которыхъ въ то время по требованію въ Москву явилось только 62 чел., а 201 оказались въ нѣтѣхъ, жили по деревнямъ. Въ 1696 г. отъ царицы Евдокии Лопухиныхъ присланы были въ Разрядъ на смотръ для службы 76 чел. и послѣ смотру, за малолѣтствомъ были оставлены въ царицыномъ чинѣ по прежнему. Царицыны стольники, не получая никакихъ окладовъ, жалованы были только платьемъ, которое получали или готовымъ, или кусками тканей и деньгами на прикладъ. Въ 1653—4 годахъ они получали на холодное платье всего по оцѣнкѣ и съ деньгами рублей на 17 слишкомъ.

Къ походному чинѣ относимъ царицыныхъ дѣтей боярскихъ.

Служба ихъ по словамъ Котошихина, была такова: посылаютъ ихъ боярими во всякіе посылки и вѣзятъ съ царицею въ походъ, и спятъ у царицы въ Верху, для сторожи и обереганія, въ низкихъ мѣстѣхъ, по суточно, по перемѣнамъ. Главнѣйшая надобность въ нихъ представлялась именно во время царицыныхъ походовъ, когда они оберегали поѣздъ на пути и оберегали царицынъ дворъ на станахъ. Штатное число ихъ полагалось, кажется, около 100 челов., но бывало больше и меньше. Всѣ онѣ кромѣ денежнаго годового жалованья, получали и *помѣстный окладъ*. Старшій денежный окладъ бывалъ въ 14 и 15 р.; къ нему помѣстнаго оклада назначалось отъ 400 до 500 четвертей или отъ 200 до 250 десятинъ. Средній окладъ былъ 10—13 р. денегъ и 300—350 четвертей помѣстья; младшій окладъ 7—9 р. и помѣстья 150—250 четвертей. Прибавка жалованья назначалась по заслугамъ, а большею частію по годамъ службы. Во дворѣ у царицы они служили обыкновенно по очереди по три мѣсяца въ году, перемѣняясь, а остальное

время жили въ своихъ помѣстьяхъ. Мѣсяцы ихъ дворовой службы назывались *жилыми* мѣсяцами, потому что въ то время они жили въ Москвѣ, или собственно при дворѣ.

Въ истопничемъ чинѣ начальное мѣсто занималъ *истопничій*, который имѣлъ наблюдение за чистотою и отопленіемъ хоромъ и за всѣмъ обиходомъ, какой только требовался для этой цѣли. Его вѣдомство сосредоточивалось въ *истопничей палатѣ* (т. I, стр. 185), гдѣ собирались подчиненные ему *мовные* и *сѣнные истопники* и *сторожи* и гдѣ сохранялась всякая истопничья казна, разные матеріалы и вещи.

Въ царицыномъ чинѣ истопничій получалъ жалованья 30 р. и по порядку чиновъ слѣдовалъ за дьякомъ. Мовные истопники топили и готовили мыльни у царицы и у царевенъ, и получали жалованья по 9 р., Мовные сторожи работали у тѣхъ мыленъ за чистотою и сторожили; жалованья получали по 5 р. Въ 1682 г. истопниковъ было 2, а сторожей 4. Сѣнные истопники, которые палаты и хоромы топятъ и метутъ и у дверей для отворянія стоятъ, люди честные и пожалованные помѣстьями и вотчинами, а живутъ на Москвѣ, т. е. въ службѣ во дворцѣ, по полугоду. Сѣнные сторожи стерегли и оберегали на сѣняхъ, крыльцахъ, лѣстницахъ и на дворахъ. Первые получали жалованья по 7 р., а вторые по 3 р. Въ 1682 г. истопниковъ было у царицы 14 ч., у большихъ царевенъ 8 ч., у меньшихъ 17 ч.; сторожей у царицы 39 чел., у большихъ царевенъ 8 чел., у меньшихъ царевенъ 16 чел. Сторожи для своихъ занятій распредѣлялись по разнымъ мѣстамъ и палатамъ: такъ въ 1646 г. въ мастерской палатѣ ихъ было 4 челов., у мастерицъ въ свѣтлицѣ 3 челов., въ портомайнѣ 4 челов., въ Казенной палатѣ 2 ч., и т. д. и также особо у хоромъ царицы, каждаго царевича и каждой царевны, если тѣ хоромы были строены въ отдѣльности.

Мастерской чинъ состоялъ при царицыной мастерской палатѣ изъ разныхъ мастеровыхъ людей по заготовленію платья и разныхъ другихъ предметовъ постельнаго обихода. Это были портные мастера, между которыми старшее мѣсто занимали *закройщики*. Закройщиковъ бывало человекъ два, которые получали жалованья по 10 р., кормовыхъ по 5 денегъ на день. Рядовыхъ портныхъ бывало около 10 человекъ; затѣмъ чеботники, чело-

вѣкъ шесть; шапочникъ, каптурникъ, шляпочникъ, кружевникъ, бѣльщикъ, игольникъ, которые получали по 7 р. жалованья и по 3 денги кормовыхъ.

Въ руководѣльномъ чинѣ кромѣ мастерицъ, при Свѣтлицѣ состояли: *знаменщики*, два человекъ, которые знаменили, т. е. рисовали потребные для шитья рисунки иконъ, всякихъ изображеній и всякіе узоры, и *свѣтличный писецъ*, составлявшій рисунки надписей, тоже для вышиванья. Они получали жалованья по 15 р., кормовыхъ по 6 денегъ. При той же свѣтлицѣ для пяличныхъ и разныхъ другихъ подобныхъ дѣлъ находился свѣтличный *плотникъ*, собственно столяръ, получавшій 2 р. жалованья и по 6 денегъ на день кормовыхъ.

Какъ старшіе, такъ и младшіе дворовые царицны чины поподнялись всегда лицами, состоявшими въ близкомъ или дальномъ родствѣ съ тѣми, которыя уже находились на службѣ. Родство съ тѣмъ или другимъ чиномъ всегда давало прямое право просить объ опредѣленіи въ этотъ чинъ. Въ этомъ дворовый порядокъ находилъ наиболѣе вѣрное ручательство при выборѣ служебныхъ лицъ, ибо родъ личности въ то время всегда представлялъ естественную круговую поруку за своего родича и если такая круговая порука состояла уже на службѣ, то тѣмъ легче и тѣмъ прямѣе была дорога для поступленія на эту службу новаго родича. Въ челобитныхъ прямо и выставлялось это обстоятельство, какъ основаніе просьбы. „Родители государь, мои, пишетъ одинъ боярскій сынъ, прося царя Алексѣя объ опредѣленіи въ царицынъ чинъ, *дядя и братья* у тебя, государя, во дворѣ, въ царицыныхъ дѣтлахъ боярскихъ, въ сытникахъ и въ подкліюшникахъ, а *мать* у тебя же, государя, во дворѣ, у государыни царевны Анны Мих. въ постельницахъ. Милосердый государы! пожалуй меня, холопа своего, вели мнѣ быть у государыни царицы въ дѣтлахъ боярскихъ“.

Младшій мужской чинъ, сѣнные истошники и сторожи, портные и другіе мастера, въ первое время избирался изъ добрыхъ людей, вѣроятно, тоже по свойству и родству съ дворовыми чинами. Но, конечно, при такомъ порядкѣ, ручательство и одобреніе родственниковъ и свойственниковъ за доброе поведеніе избираемаго не всегда оправдывало ихъ выборъ и нередко во дворцѣ являлись большіе безобразники, которыхъ трудно было унять, остановить. Въ рукахъ дворцовой власти не было ника-

кого твердаго обезпеченія, что избранный, во все время своей службы, будетъ вести себя пристойно и благоправно во всѣхъ отношеніяхъ, поэтому и здѣсь въ послѣдствіи явилась необходимою единственная старинная мѣра охраны отъ всякихъ случайностей служебнаго зла и безпорядка, именно круговая порука. Это произошло по слѣдующему обстоятельству. Въ 1660 г. января 7, „великая государыня царица и в. к. Марія Ильична указала истопниковъ Пронку Пототуя да Микитку Шайкина за ихъ многое безчинство и пьянство отставить и учинить жестокое наказанье, бить кнутомъ. И тогожь числа имъ чинено наказанье, вмѣсто кнута, биты батоги нещадно. Приказъ о томъ изъ хороми казначеи Матрены Блохиной. А на ихъ мѣсто указала великая государыня взять вновь иныхъ истопниковъ съ записями и съ крѣпкими поруками. А впредь указала государыня имать въ истопники и въ сторожи вновь съ поручными крѣпкими съ записями, а безъ поручныхъ записей отнюдь неимать“.

Послѣ того, при опредѣленіи въ такія должности, всегда *луже* приносилась и поручная крѣпкая записъ отъ людей, вполне ручавшихся за избраннаго, въ которой они писали: „поручились есми — въ томъ, что такому то быть по государеву указу въ такой то должности, служить вѣрно и государево здоровье *опасать* и все памятовать, что ему чтено въ крестоприводныхъ статьяхъ; у государева дѣла не пить, не бражничать, никакимъ воровствомъ не воровать и съ воровскими съ *приличными* людьми не водиться, виномъ и табакомъ не торговать, карты и зерню не играть; и государскаго самому ничего не красть и для *покражеся* къ казни воровскихъ людей не подвести и дурна никакого и хитрости надъ государевою казною не чинить; всего государскаго беречь съ великимъ радѣньемъ и съ опасеньемъ и подвоху надъ казною никакого не учинить; и что видячи надъ своею братьею какое дурно и о томъ начальнымъ людямъ извѣщать, и съ своею братіею днєвать и ночевать по очереди; и безъ указу никуда не съѣхать и взять жалованье, не заслужа не снести и не сбѣжать и отъ чину, не бивъ челомъ государынѣ, собою не отстать; а буде опредѣляемый что сдѣлаетъ противное этимъ статьямъ, то, писали поручики, на насъ поручникахъ пеня, а пени, что государь уважетъ, взять на томъ, кто насъ поручиковъ будетъ въ лицахъ, — наши поручиковы головы, вмѣсто его головы“.

Вообще дворцовое безчинство и особенно воровство наказывалось во всякомъ случаѣ довольно строго. Однажды, въ маѣ 1688 г. портной мастеръ царицына чина, Михайло Сергѣевъ, отрѣзалъ у двухъ царицыныхъ подножій (родъ ковровъ) нѣсколько соболей. Украденное онъ продалъ на Красной площади и денегъ взялъ всего двѣ гривны. Дворцовая подозрительность проснулась; поднялся розыскъ, допытывались съ какою цѣлью были отрѣзаны соболи, не мыслилъ ли воръ какого зла на государственное здоровье. Это нужно было знать тѣмъ болѣе, что подножья принадлежали царицѣ Натальѣ Нарышкиныхъ, а тогда, съ этой стороны, всего опасались отъ другаго царскаго рода Милославскихъ. Розыскъ, однакожь, кромѣ простаго воровства, ничего не открылъ. За воровство портному была слѣдующая сказка: „Мишка Сергѣевъ! Будучи ты въ мастерской палатѣ въ портныхъ мастерахъ, своровалъ государственнаго достоянія, отъ дву подножій соболи обрѣзалъ, и въ томъ въ твоёмъ воровствѣ виновна, и за то твое воровство великая государыня благовѣрная царица и в. к. Наталія Кириловна указала бить кнутомъ и отъ чину отставить и впредь у государскихъ дѣлъ нигдѣ не быть“. — Въслѣдствіе этого указа, іюня 19, онъ битъ кнутомъ передъ дворцомъ за Куретными вороты, дано 30 ударовъ.

Обыкновенный способъ исправленія нравственности дворовыхъ служителей и другихъ меньшихъ чиновъ состоялъ въ томъ, что ихъ отправляли, особенно за пьянство, *подъ началъ* въ монастырь, по большей части въ Москвѣ въ Покровскій, что на Убогихъ Домахъ, или въ одинъ изъ отдаленныхъ сѣверныхъ. Такъ въ мартѣ 1666 г. царицыны крестовые дьяки, Михайла да Мартинъ Протопоповы, были сосланы *подъ началъ* первый въ Убогій Домъ, а другой на Вологду въ Каменный монастырь, съ наказомъ держать *подъ крѣпкимъ началомъ*, къ церковному пѣнію приходить и всякую работу работать. Эти крестовые могли быть сосланы и за раскольничьи мѣшкія.

Такому же подначальному монастырскому исправленію подвергались въ своихъ проступкахъ и лица женскаго чина. Ихъ ссылали *подъ началъ* обыкновенно въ Хотьковскій монастырь, а иногда и въ болѣе отдаленные монастыри: въ Успенскій во Владимірѣ, въ Суздальскій Покровскій. Въ 1658 г. авг. 4 сослана въ Хотьковскій монастырь комнатная Евгенія Шишкина, возвращенная оттуда на другой годъ въ маѣ. Въ 1694 г. іюня 17 сослана въ Володимірѣ одна постельница при слѣдующей

грамотъ: „Въ Володимеръ въ Успенскій дѣвичь монастырь игуменьѣ Θεодосіи съ сестрами. Послана къ вамъ отъ насъ (государей) изъ комнаты царевны Маріи Алексѣевны подъ началъ постельница Ирина Протопопова за еѣ безчинство и пьянство; и вамъ бы еѣ дать подъ началъ въ келью старицѣ княжнѣ Максимилѣ Шеховской подъ крѣпкой началъ, и велѣтъ ей ходить къ церкви ко всякому пѣнію и въ кельѣ поклонны класть, какъ чинъ монастырской надлежитъ; и послѣ церковнаго пѣнія быть у монастырской всякой работы; и съ монастыря еѣ неспускать и хмѣльнова ничево не давать; а буде она въ чемъ не послушна будетъ и еѣ смирять, какъ чинъ монастырской надлежитъ“.

Монастыри, такимъ образомъ, въ старомъ нашемъ быту имѣли для правительства весьма важное значеніе, какъ мѣста исправленія всякихъ худыхъ нравовъ, худыхъ мыслей, всякаго самоубійствія, и даже въ случаяхъ, когда совсѣмъ кто либо лишился ума. Въ 1673 г. іюля 6 царю Алексѣю била челомъ нѣкая вдова Анютка Ѳомина. Сынишка, государь, мой, Ивашка Степановъ, будучи при твоей царской милости великія государыни царицы и в. в. Натальи Кирилловны въ мастерской палатѣ въ портныхъ мастерахъ, и въ нынѣшнемъ, государь, во 181 году послѣ Свѣтлаго Христова Воскресенья за грѣхи мои залежалъ, и въ скорби своей по грѣхохъ во умѣ порушился, меня не слушаетъ и въ домишку всякое неистовство чинить и пужаетца и бѣгаетъ; а я бѣдная съ невѣсткою своею, а съ его женою людишка одинакіе, приберечь его и смирить некому, и неслушаетъ. Милосердый государь! Пожалуй меня бѣдную безпомощную рабу свою, вели, государь, его, сынишка моего Ивашка сослать подъ началъ въ монастырь ко Всемилоствому Спасу на Новое, по коихъ мѣстѣ Господь Богъ во умѣ его утвердитъ, чтобъ мнѣ бѣдной отъ сынишка своего въ позорѣ не быть и емубъ сынишку моему впредь твоей царской милости неотбыть. Царь государь смилуйся пожалуй!“ Государь указалъ сослать его въ монастырь Покрова Богородицы, что на Убогихъ Дому съ наказомъ: „велѣтъ держать его подъ крѣпкимъ началомъ, и отдать его старцу воздержательному, и велѣтъ ему ходить къ вечерни и къ заутрени и къ литургіи по вся дни, а вина и пива и меду къ нему никто не приносить“.

Царицынъ младшій женскій и мужской чинъ именно постельницы, мастерицы, портномы, мастеровые люди, дѣти боярскіе

и пр. былъ поселенъ особою слободою, которая была расположена подлѣ Никитскаго дѣвичьяго монастыря, между улицами Никитскою и Смоленскою, нынѣ Воздвиженкою, и называлась *Кисловкою*. Это названіе и теперь сохраняется въ тамошнихъ переулкахъ. Отъ жившаго здѣсь царицына чина самая улица Никитская именовалась иногда Царицыною. По всему вѣроятію заселеніе Кисловки дворовыми людьми царицы относится еще ко временамъ великихъ князей, т. е. по крайней мѣрѣ къ концу XV вѣка, когда Кремль былъ перестроенъ и слободы по Неглинной переставлены на новыя мѣста. Слободская земля была государева и раздавалась подъ дворы, смотря по надобности, въ извѣстномъ размѣрѣ. Съ теченіемъ времени съ умноженіемъ населенія и съ переходомъ дворовъ отъ одного владѣльца къ другому, дворовая мѣра въ иныхъ случаяхъ дробилась, отрѣзывалась на части, а иногда прирѣзывалась, получала болѣе большій размѣръ противъ настоящаго, что всегда между жителями возбуждало споры и ссоры. Каждый, особенно изъ вновь приходившихъ требовалъ для себя законной мѣры, жаловался на сосѣда въ неправильномъ владѣніи даже одною саженью. По тѣснотѣ помѣщенія конечно и одна сажень была дорога, а тѣмъ болѣе если и отъ этой малой мѣры зависѣло удобство или неудобство въ расположеніи разныхъ хозяйственныхъ построекъ. Къ тому же многіе изъ царицына чина жили въ разныхъ мѣстахъ по Москвѣ и просили помѣстить ихъ также въ Кисловкѣ, такъ какъ она была ближе ко дворцу, да и мѣсто было казенное, слѣд. для служащихъ по праву даровое. Для удовлетворенія такихъ челобитій, для прекращенія жалобъ и приведенія въ порядокъ этого дѣла въ ноябрѣ 1689 г. было указано учинить въ Кисловкѣ всѣ дворы по ровну, т. е. длинникъ улицы или переулка раздѣлить на равныя части и отмѣрить для каждого двора поперекъ по воротамъ или 7 или 8 саж., соображаясь съ длиною улицы, или переулка, а на поддвора половину той и другой мѣры, т. е. $3\frac{1}{2}$ и 4 саж. Въ это время въ Кисловкѣ была одна улица и пять переулковъ, въ томъ числѣ Тупой, Ивановской Кузюдемьянскій. Дворовъ было 115, мѣрою по наличной сторонѣ на 744 саженьяхъ. По новому размѣру учинено 181 дворъ по 4 саж. и 208 дворовъ по $3\frac{1}{2}$ саж., при чемъ еще осталось въ разныхъ концахъ мелкою мѣрою $40\frac{1}{2}$ саж. Такимъ образомъ число дворовъ было увеличено съ дѣлію изпомѣстить всѣхъ желавшихъ и имѣвшихъ право здѣсь жить. Видимо, что время

отъ времени, смотря по приливу населенія, узаконенная мѣра дворовъ измѣнялась. Такъ въ 1692 г. эта мѣра была только въ 6 саж. на цѣлый дворъ и длиннику внутрь двора 10 саж. Длинникъ всегда зависѣлъ отъ ширины квартала или сплошныхъ дворовъ между двумя улицами, который и дѣлился по поламъ, такъ что въ иныхъ мѣстахъ онъ бывалъ и по 8 саж. Лишняя мѣра, которою по какому либо случаю кто завладѣлъ, всегда могла быть отрѣзана, какъ скоро являлся челобитчикъ. По случаю отставки или смерти и вообще по случаю выбитія изъ чина, владѣлецъ двора свозилъ обыкновенно свои хоромы или продавалъ ихъ заступавшему его мѣсто. Въ иныхъ случаяхъ дворовыя мѣста отдавались жильцамъ изъ оброку; платили съ поперечника по 3 ал. 2 деньги съ сажени.

Во внутреннемъ, такъ сказать домашнемъ устройствѣ слобода Кисловка отличалась отъ другихъ московскихъ слободъ тѣмъ, что въ ней не было старосты, ни сотскаго, ни десятскихъ, т. е. она вовсе не имѣла самостоятельнаго земскаго значенія, а имѣла значеніе дворовое, какъ совокупность людскихъ дворовыхъ избъ. Полное завѣдываніе мѣстомъ и жителями принадлежало Приказу царицыной мастерской палаты, откуда для ближайшаго надзора и управленія, главнымъ образомъ въ полицейскихъ дѣлахъ, назначался въ слободу и особый *прикащикъ* изъ боярскихъ дѣтей царицына чина. Иногда эта должность поручалась двоимъ. Прикащикамъ выдавалась *наказная память*, наказъ, что будучи имъ въ Кисловкѣ въ прикащикахъ надъ дѣтьми боярскими и надъ всякихъ чиновъ людьми, которые живутъ тамъ своими дворами, надсматривать, чтобъ они виномъ и табакомъ не торговали, и корчмы и никакого воровства не чинили, и пріѣзжихъ и пришлыхъ всякихъ чиновъ людей не сродичей къ себѣ во дворы никого не принимали, и изъ дворовъ своихъ на улицу всякаго помету не метали; а ослушниковъ и винопродавцевъ, имая съ виномъ, и питуховъ и корчемниковъ и воровскихъ людей приводили бы въ приказъ царицыной мастерской палаты, къ дворецкому и къ дьякамъ. А буде ихъ оплошкою и нерадѣніемъ что объявится, и учинится в. государю вѣдомо мимо ихъ и имъ прикащикамъ за то быти въ опалѣ и въ жестокомъ наказаніи безовсянія пощады. Такой наказъ данъ былъ въ 1670 г. апр. 27. Для береженья отъ воровскихъ людей въ слободѣ на четырехъ улицахъ было устроено въ 1632 г. четыре *рышотки*, а пятая улица съ переулкомъ

загорожены на глухо, для чего было куплено 201 бревно разной мѣры, длиною отъ 2½ до 4 саж. На каждую рѣшетку выходило около 40 такихъ бревенъ. Это были крѣпкіе заборы которыми слобода на выѣздахъ отгораживалось отъ чужихъ улицъ. Въ срединѣ для проѣзда устроивалась брусная рѣшетка, которая днемъ поднималась, а на ночь опускалась, задвигалась желѣзнымъ засовомъ и запиралась замкомъ. У каждой рѣшетки была поставлена сторожевая изба, гдѣ постоянно жилъ *рѣшеточный сторожъ*, наблюдавшій вообще за слободскимъ уличнымъ порядкомъ своего участка. — Рѣшетки по своему мѣстоположенію получали и особыя названія: была рѣшетка *здвигенская*, выходившая къ Воздвиженскому монастырю на Смоленскую, нынѣ Воздвиженскую улицу, *никитская*, стоявшая подлѣ никитскаго монастыря, *ивановская* у церкви Іоанна Милостиваго.

Чтобы ознакомиться съ людьми, съ ихъ жизнію и нравами, воспользуемся нѣсколькими сыскными дѣлами и челобитными, въ которыхъ являются не въ воображаемомъ, а въ дѣйствительномъ свѣтѣ, и слова, т. е. мысли, и дѣла, или поступки древнихъ людей. Это самые достовѣрные свидѣтели стараго житья-бытья, дающіе всегда такія показанія, которыя трудно и совсѣмъ невозможно передать въ образѣ какого либо научнаго счета, итога или вывода; но которыя, однако скорѣе и прямѣе научныхъ вычисленій вводятъ читателя въ изчезнувшій міръ старинныхъ понятій, убѣжденій, представленій и дѣйствій, т. е. именно въ тотъ міръ, который исключительно именуется жизнію. Здѣсь мы приводимъ нѣсколько такихъ документовъ, обрѣсывающихъ отчасти дворцовый *Верхъ*, а по преимуществу дворцовый *Низъ*, т. е. младшую среду дворцовой службы и ея житейскихъ отношеній. Вотъ дѣло о *мышьякѣ*, принесенномъ неумышленно въ Свѣтлицу.

1630 года генваря въ 13 день государыни царицы и в. к. Евдокьи Лукьяновны словомъ приказала крайчая княгиня Соломанида Мезецкая, а велѣла дьяку Сурьянину Торованову итти въ Свѣтлицу и роспросити золотную мастерицу Онтониду Григорьеву жену Чашникова, какое она государеву дѣло вѣдаетъ на мать свою на золотную жъ мастерицу на Олдину

Волкову, и она бѣ про то сказала въ правду, по государеву крестному дѣлованью; а что она Онтонида въ роспросѣ скажетъ и тѣ рѣчи записавъ, приказала государыни царица скзати себѣ государынѣ.

И того жѣ часу по приказу государыни дьякъ Сурьянинъ Торокановъ золотной мастерицы Онтониды Чашниковы роспрашивалъ. Мастериди въ роспросѣ сказала: въ нынѣшнемъ во 138 (1629) году декабря въ 21 день ввечеру пошла изъ Свѣтлицы къ себѣ на подворье сестра ея родная Марья Ярышкина и выронила въ Свѣтлицѣ платъ черной, и она тотъ платъ подняла, а въ немъ завязано въ узлу съ зерновую кость, невѣдомо что, съ одной стороны бѣло, а съ другой черно; и она де тотъ платъ положила у себя для того, какъ сестра ея спросить. И на завтрее декабря въ 22 день пришла въ Свѣтлицу сестра ея та жѣ Марья и учала говорить, что она вечеръ выронила платъ съ деньгами; и она де ей сказала, что тотъ ея платъ подняла она Онтонида, а тотъ де платъ безъ денегъ, а въ немъ заверчено въ узлу невѣдомо что; и учала..... передъ подругами своими, и она де Марья тотъ платъ у ней вырвала совсѣмъ и побѣжавъ на лѣстницу, бросила дѣтинѣ своему Онашкѣ, а Онашка, взявъ тотъ платъ, пошелъ съ дворца; и она Онтонида учела ей говорити, для чего платъ вырывать, а въ немъ было завязано невѣдо что? И та сестра ея Марья передъ подругами своими говорила ей, что въ томъ плату бѣдъ завязанъ мышьякъ, а послѣ сказала, что была сулема; а подруги ея въ тѣ поры были въ Свѣтлицѣ Катерина Ходина да дѣвки Полагѣя Волкова да Степанида Хлѣбникова; и Катерина учела ей Марьѣ говорить, что она дѣлаетъ не горздо, носить съ собою въ Верхъ мышьякъ. И та де сестра ея сказала, что тотъ мышьякъ приготовленъ былъ у ней на сверчковъ. И на завтрее де того, декабря въ 23 день, била челомъ на нее Онтониду въ Свѣтлицѣ боярынѣ княгинѣ Овдотьѣ Каркадиновѣ Окулина Волкова, что она Онтонида тѣмъ сестру свою, а ея дочь Марью клеплетъ напрасно. Въ тотъ же день боярыня княгиня Овдотья Каркадинова сказывала про то государынѣ. И царица и в. к. Евдокѣя Лукьяновна прислала про то сыскивать въ Свѣтлицу Василья Ивановича Стрѣшнева. Вас. Ив. для того плата послалъ къ матери ея къ Окулинѣ Волковѣ нарочно. И мать ея Окулина принесла тотъ платъ въ Свѣтлицу. Вас. Ив. Стрѣшневъ, смотря тотъ платъ, казалъ

ей Онтонидѣ. И она Онтонида, въ томъ плату смотря, сказала, что въ немъ завязано въ узлу не то, что напередъ того было; прежде того было въ немъ завязано съ зерновую кость съ одной стороны бѣло, а съ другой черно; а послѣ въ томъ же плату заверчена соколя соль; а та сестра ея Марья, на кого она нынѣ извѣщаетъ, передъ подругами своими сказывала, что были въ томъ плату завязаны деньги; а послѣ она жъ сказала, что былъ завязанъ мышьякъ; а въ третью сказала, что была сулема: а какъ ей тотъ платъ показали, и въ томъ де плату завязана соколя соль, а не мышьякъ и не сулема. И она де Онтонида объ томъ била челомъ Василью Ивановичу имянно, что въ плату подменено, а заверчено не то, что было напередъ того завязано. И Василей Ивановичъ, взявъ тотъ платъ, запечаталъ и отнесъ его къ государынѣ въ монастырь. И послѣ того мать ея Окулина на нее Онтониду бранилась и хотѣла ее въ Свѣтлицѣ за сестру ея Марью, а за свою дочь, ушибити брусомъ.

Окулина, выслушавъ дочернины рѣчи, запиралась, сказала, что она сестру свою Марью тѣмъ клеветѣ напрасно, такого плата дочь ея у ней изъ рукъ не вырывала, а дала ей тотъ платъ она Окулина, а была въ немъ заверчена соколя соль, а не мышьякъ и не иное что, и та де сестра ея Марья, взявъ у ней тотъ платъ, отдала племянницѣ своей Полагѣ Волковѣ, и Полагей, взявъ у ней платъ, отдала дѣтинѣ ея Онашкѣ, а дѣтина, взявъ платъ, отнесъ къ себѣ. Полагѣ Волкова, ставлена съ очей на очи, сказала, что тотъ платъ вынесши изъ Свѣтлицы, дала ей у дверей Марья Ярышкина и она, взявъ у ней платъ, кинула изъ сѣннаго окошка дѣтинѣ Онашкѣ. И золотная мастерица Онтонида била челомъ, а сказала, что та Полагѣ Волкова матери ея родная племянница и она по теткѣ своей кроетъ, и про то бѣ допросити другую мастерицу, которая въ тѣ поры тутъ же въ Свѣтлицѣ была, дѣвку Степаниду Хлѣбникову; она то вѣдаетъ, какъ сестра ея Марья тотъ платъ у ней вырвала, а не сама ей дала.

Дѣвка Степанида, спрашивана, сказала по государеву крестному цѣлованью: декабря въ 22 день бранилась сестра ея Марья въ Свѣтлицѣ съ нею съ Онтонидою, и Онтонида ей говорила: для чего она у ней вырываетъ платъ, а въ немъ заверченъ мышьякъ; и она ее за то бранила, а какъ у ней Окулины сестра ея Марья тотъ платъ изъ рукъ вырвала, и она того не видала, потому что шила государское дѣло.

И мастерица Онтонида била челомъ, и на мать свою и на сестру говорила въ примѣръ, что мать ея Окулина ее Онтониду не любитъ и по сестрѣ ея, а по своей дочери, кроеть; все де то подлинно въ тѣ поры видѣла и слышала золотная мастерица Катерина Ходина.

Катерина Ходина, спрашивана, сказала по государеву крестному цѣлованью: съ Окулиною де она Волковою въ побранкѣ, а на чомъ государю цѣловала крестъ и она скажетъ въ правду, хотя послѣ вели государь про то сыскать мимо ее: декабря въ 22 день пришла въ Свѣтлицу Окулинина дочь Марья Ярышкина и учала говорити сестрѣ своей Онтонидѣ Чашниковѣ, что она вечерѣ декабря въ 21 день въ Свѣтлицѣ выронила платъ съ деньгами; и Онтонида учала ей говорити, что она подняла платъ ея безъ денегъ, а въ немъ завязано невѣдомо что; и та сестра ея Марья сказала, что въ томъ плату завязанъ мышьякъ. И она Катерина учала ей говорити, что она то дѣлаеть негораздо, носить съ собою въ Верхъ мышьякъ. И Марья сказала, что въ томъ плату завязана сулема, а она тое сулему приготовила на сверчки. И послѣ того Марья вырвала тотъ платъ у сестры своей у Онтониды изъ рукъ и понесла изъ Свѣтлицы вонъ, а Онтонида почала съ нею за то бранитца, что она платъ у ней вырвала: а въ томъ де плату завязано было походило на зерновую кость, а не мышьякъ и не сулема. А мать ея Окулина то видѣла жъ и нынѣ по дочери своей кроеть; а племянница Полагѣя Волкова не скажетъ подлинно для того, что Окулина Волкова ей тетка родная.

Окулина Волкова противъ тѣхъ рѣчей во всемъ запералась. Спустя слишкомъ три мѣсяца, апрѣля 30, государь приказалъ дьяку Сурьянину про то дѣло сыскати накрѣпко, дѣтину Онашку, поставя передъ собою съ золотными мастерицы съ очей на очи, распросить; да будетъ дѣтина противъ извѣстныхъ рѣчей въ чемъ учнетъ заператца и государь велѣлъ про то дѣло его пытати; а во что въ роспросѣ и съ пытки скажетъ, и государь про то дѣло велѣлъ сказати себѣ государю.

Маія 3 дьякъ Сурьянинъ послалъ по золотныхъ мастерицъ да по дѣтину царицыныхъ дѣтей боярскихъ, а велѣлъ имъ, взявъ ихъ по подворьямъ безвѣстно, держати всѣхъ порознь. Тогожъ часу дѣти боярскіе взявъ по подворьямъ золотныхъ мастерицъ да дѣтину, привели къ дворцу. И дьякъ Сурьянинъ дѣтину спрашивалъ. Дѣтина сказалъ: декабря въ 22 день при-

ходилъ онъ на дворецъ къ боярынѣ своей къ золотной мастерицѣ къ Марьѣ Ярышкинѣ и Марья де попросила у него платъ, въ чомъ завертѣтъ рыба; и онъ далъ ей платъ свой, а въ немъ въ узлу завязана была соколя соль, а тое де онъ соль пушалъ женѣ своей въ очи для того, что у ней очи больны. И на завтрѣе де того пришелъ онъ къ той же своей боярынѣ на дворецъ и ему тотъ платъ, вынесши на крыльцо, кинула Окулинина племянница дѣвка Пелагея Волкова; въ томъ де плату завязана была въ узлу тажъ соколя соль, а не кость и не мышьякъ и не сулема; а у боярыни своей у Марьи Ярышкиной плата никакова онъ нешывалъ, кинула ему съ крыльца платъ дѣвка Пелагея. Дьякъ Сурьянинъ спросилъ дѣтину, только ему тотъ платъ и соколя соль показати и онъ узнаеть ли? Онашка сказалъ, что узнаеть, да билъ челомъ, чтобъ ему показати. Потомъ, смотря плату, сказалъ, что платъ его, а узолъ, въ чемъ завязана соколя соль, не тотъ; прежней узолъ былъ поменьше. Дьякъ Сурьянинъ, развязавъ узолъ, казалъ ему соколю соль. Дѣтина, смотря соли, сказалъ, кабы де прежь того была завязана та соль; а послѣ того учалъ мяться, а сказывалъ, что та, а иное не та; да смотря соли, постоявъ немного, сказалъ, что въ плату подлинно завязана была та соколя соль, а не иное что. Дьякъ Сурьянинъ, видя, что дѣтина почалъ въ рѣчахъ своихъ мяться, велѣлъ его приставомъ вести къ пыткѣ; а золотныхъ мастерицъ Окулину Волкову съ дочерями для подлиннаго сыску къ роспросу велѣлъ вести съ нимъ же вмѣстѣ. И приведчи къ пыткѣ, распрашивалъ ихъ порознь. Дѣтина, стоя у пытки, сказалъ прежнее свои рѣчи, что платъ его, и завязана была въ немъ та соколя соль, что ему казана, а не кость и не мышьякъ и не сулема.

Дьякъ для подлиннаго сыску казалъ золотной мастерицѣ Онтонидѣ Чашниковѣ платъ, въ чемъ заверчена соколя соль, тотъ ли платъ съ костью она видѣла. Онтонида, смотря платъ, сказала, что она его у сестры своей видѣла и его знаетъ, только въ немъ завязанъ былъ узолъ менши тово, а въ томъ узлу заверчена была кабы что кость, величиною съ зерновую кость, или кабы мышьякъ, а не соколя соль, то де подмѣнила сестра еѣ Марья. А соколя соли до сѣхъ мѣстъ въ плату отнюдь не было, а заверчена послѣ. И дѣтина противъ того говорилъ, что она сестру свою тѣмъ влеплетъ, опричь де той соколы соли въ плату завязано кости и мышьяку и сулемы небывало; а

Онтонида на дѣтину говорила въ примѣръ, что отнюдь той соколы соли въ плату заверчено небывало, а подмѣнили они ту соль, завязавъ въ плату въ узолъ послѣ. Дьякъ Сурьянинъ, поставя съ Онтонидою съ очей на очи мать ея Окулину да сестру ея Марью, спрашивавъ и платъ и соколю соль имъ казалъ. Онѣ, смотря плата, сказали, что платъ дѣтины ихъ прямой; и въ немъ заверчена была въ узлу прямая соколя соль, а не кость и мышьякъ и не сулема, и нынѣ въ плату тажъ соколя соль, а не иное что.

Дьякъ постращалъ дѣтину пыткою, но и у пытки дѣтина говорилъ тоже; между тѣмъ мастерица Онтонида говорила въ примѣръ, что соколы соли въ плату завязано въ узлу отнюдь небывало, а было иное, да и то подмѣнено послѣ. Дьякъ Сурьянинъ, видя межъ ихъ споръ, велѣлъ дѣтину пытати. Дѣтина съ первой пытки не сказывалъ ничего, а съ другой пытки повиился и сказалъ: въ томъ онъ передъ государемъ виноватъ, велѣли ему въ плату подмѣнити послѣ Тимофѣй Ярышкинъ да жена его Марья да теща его Акулина; а былъ въ плату завязанъ мышьякъ, а купилъ онъ тотъ мышьякъ въ Новѣгородѣ окармливать лисицы; и какъ привезъ къ Москвѣ, и тотъ мышьякъ заверченъ у него былъ въ тотъ платъ, и онъ пришедъ во дворецъ отдалъ платъ и съ узломъ завертѣти рыба боярыня своей Марья Ярышкинѣ; и Марья, взявъ у него платъ, пошла въ Свѣтлицу; и какъ у ней тотъ платъ въ Свѣтлицѣ осмотрили и на завтрее кинула ему платъ изъ Свѣтлицы въ окно племянница Окулины Полагея. И тогожъ дни ввечеру пришла съ Верху боярыня его Марья Ярышкина и велѣла ему въ томъ плату перемѣнити, а завертѣти соколю соль, а которой въ плату завязанъ былъ мышьякъ и она его изъ плата вывязала и кинула. И дьякъ Сурьянинъ ставилъ съ дѣтиною у пытки Марью Ярышкину и мать ея Окулину и они въ томъ запирались, а сказали, что того ничего небывало и подмѣнивать они ему не вѣливали; тѣмъ онъ ихъ влечеть, хотя отъ нихъ отойти изъ холопства. И дѣтина передъ ними пытанъ, съ пытки говорилъ прежнія жъ свои рѣчи, что и напередъ того сказывалъ. А Окулина съ дочерью запирались, что подмѣнивать ему мышьяка соколюю солю не вѣливали: а дѣтина съ нихъ неговорила. Дьякъ Сурьянинъ послѣ пытки отдалъ дѣтину и золотныхъ мастерицъ держати приставомъ по прежнему, а пыточные рѣчи сказывалъ государю. Государь указалъ золотную мастерицу

Онтониду Чашникову, которая въ томъ дѣлѣ на мать свою и на сестру извѣщала, освободить, а до своего указу въ Верхъ ей ходить не велѣлъ. А матери ея и сестрѣ съ мужемъ велѣлъ сказать: только они вины свои, въ чемъ на нихъ говорилъ съ пытки ихъ чловѣкъ, не принесутъ и государь ихъ велѣлъ въ томъ пытать. Мастерницы, выслушавъ рѣчи, повинились; а сказали: въ томъ де они передъ государемъ и передъ государынею виноваты, что прежь сего вины своей къ нимъ государемъ не принесли, боясь отъ нихъ государей опалы. Принесъ де къ ней Марья тотъ платъ дѣтина ихъ завертѣти рыбу спроста; и въ тѣ поры въ плату завязанъ былъ у него мышьякъ; и она Марья, платъ взявъ у него и не розсмотря, въ Свѣтлицѣ выронила, а подняла его сестра ея родная Онтонида Чашникова и развязавъ узолъ, казала подругамъ своимъ. И въ тѣ поры то дѣло пошло въ огласку и она Марья, платъ вырвавъ у сестры своей, отдала дѣвкѣ Полагѣ; и та, взявъ у ней платъ, отдала дѣтинѣ; и Онашка платъ привесъ къ себѣ. И какъ у ней про тотъ платъ съ сестрою былъ шумъ и она Марья, пришедчи къ себѣ на подворье, смотрели того плату у дѣтины, что въ немъ въ узлу было завязано, и въ плату завязанъ мышьякъ; и она дѣтинѣ своему учала говорить, для чего онъ къ ней принесъ платъ съ мышьякомъ и нынѣ про него въ Верху учинился шумъ. И Онашка ей сказалъ, что принесъ къ ней платъ съ мышьякомъ, не вѣдая, спроста; и она вывязавъ изъ плата мышьякъ, кинула, и ему заказала, чтобъ онъ впредь про тотъ мышьякъ никому не сказывалъ, а взяла у него соколю соль, что онъ пускаетъ женѣ своей въ очи, да въ то мѣсто завязала въ платъ ту соколю соль и ему приказала говорить, только учнутъ спрашивать, сказывалъ бы, что въ плату была завязана соколя соль, а не мышьякъ. А мужъ ея и мать ея то свѣдали послѣ. И въ томъ де воленѣ Богъ да государь и государыня, учинили они то дѣло, боясь, спроста, а лихо во нихъ умышленья никакого не бывало. И дьякъ Сурьянинъ рѣчи ихъ сказалъ государю.

И государь указалъ, а велѣлъ золотныхъ мастерницъ да дѣтину ихъ вести къ пыткѣ, а приведчи къ пыткѣ, роспросити ихъ накрѣпко и страшати всякими пригрозамы, такиль они тотъ платъ съ мышьякомъ взяли у дѣтины спроста, и неумышленьемъ ли тотъ мышьякъ для каково злаго дѣла въ Верхъ взносили и предъ сего въ Верхъ мышьяку или сулемы ненашива-

лили и т. д. — Мастерницы у пытки сказали, что они виноваты въ томъ, какъ велѣли мышьякъ исторопясь соколькою солью замѣнить, а тотъ былъ у нихъ мышьякъ принесенъ въ Верхъ съ проста, а лихова у нихъ никакова умышленья не бывало. А дѣтина ихъ сказалъ, что мышьякъ принесъ къ нимъ въ Верхъ спроста, невѣдая, а на лихое дѣло того мышьяку къ нимъ не принашивалъ, и самъ онъ тѣмъ мышьякомъ и сулемою никакова дурна не дѣлывалъ и людей не порчивалъ. И дьякъ Сурьянинъ велѣлъ того дѣтину стращать и поднять на пытку двояды, а пытать ево не велѣлъ. И тотъ дѣтина ни въ чемъ не винился, а говорилъ прежніяжъ свои рѣчи.

Мая 5 государь для именинъ дщери своей царевны Ирины Михайловны золотныхъ мастерницъ Окулину Волкову да дочь ея Марью Ярышкину пожаловалъ, велѣлъ ихъ изъ за пристава свободить и велѣлъ имъ быти у своего государева дѣла въ Свѣтлицѣ въ мастерницахъ по прежнему; а человѣка ихъ Онашку изъ за пристава до своего государева указа свободять не велѣлъ. Онъ былъ освобожденъ іюня 3.

Приворотный корень обратимъ.

Въ 1635 году 30 генваря, одна изъ царицыныхъ золотныхъ мастерницъ, таже Антонида Чашникова, выронила нечаянно у мастерницъ въ палатѣ, т. е. въ Свѣтлицѣ, гдѣ всѣ онѣ работали, платокъ, а въ томъ плату „заверченъ корень невѣдомо какой“. Платокъ и съ корнемъ подняли двѣ бѣлыя мастерницы и тотчасъ же объявили, т. е. представили государынѣ. На другой день по государеву указу и по именному приказу царицы велѣно дьяку царицыной мастерской палаты Сурьянину Тороканову объ этомъ *сыскати на крѣпко*. Дьякъ тотчасъ началъ розыскъ распросомъ: гдѣ мастерница Чашникова тотъ корень взяла, или кто ей тотъ корень и для чего далъ и почему она съ нимъ ходитъ къ государю и къ государынѣ въ Верхъ, т. е. во дворецъ? Чашникова отвѣчала, что тотъ корень не лихой, а носитъ она его съ собою отъ сердечныя болѣзни, что сердцемъ больна. Само собою разумѣется, что такой отвѣтъ былъ недостаточенъ: царское слово *сыскати на крѣпко* требовало самаго полного и строгаго изслѣдованія. Дьякъ сталъ спрашивать со всякою пригрозю: если она про тотъ корень, какой

онъ словеть, и гдѣ она его взяла, или кто ей дасть и для чего дасть, подлинно не скажетъ и государю въ томъ вины своей не принесеть, то государь велѣлъ ее въ томъ пытать накрѣпко. Мастерница повинилась и сказала, что въ первомъ своемъ распросѣ не объявила про корень подлинно, блюдаясь отъ государя и отъ государыни опалы; а теперь про тотъ корень скажетъ подлинно: „Ходить де въ царицыну слободу, въ Кисловку, къ государевымъ мастерницамъ къ Авдотѣ Ярышкинѣ и къ инымъ, жонка, зовутъ ее Танькою; и она де той жонкѣ была челомъ, что до нее мужъ лихъ, и она ей дала тотъ корень, который она выронила въ Свѣтлицѣ; а велѣла ей тотъ корень положить на зеркальное стекло, да въ то зеркало смотрѣться и до нее де будетъ мужъ добръ. А живетъ та жонка, на Здвиженской улицѣ. Дьякъ тотчасъ велѣлъ жонку Таньку отыскать и привести предъ себя.

Когда посланные за ней дѣти боярскіе поставили ее къ допросу, она сказала, что зовутъ ее Танькою, а мужа у ней зовутъ Гришка Плотникъ, а живутъ они на Знаменкѣ на дворничествѣ, т. е. въ дворникахъ у дворянина Головачова. Потомъ жонка Татьяна, какъ нужно было ожидать во всемъ заперлась и отвѣтила, что она отнюдь въ царицыну слободу въ Кисловку ни къ кому не ходитъ и золотной мастерницы Антонины Чашниковой не знаетъ и иныхъ никакихъ мастерницъ не знаетъ и къ нимъ не ходитъ. Ихъ поставили съ очей на очи. Мастерница говорила, что она Танька въ Кисловку къ мастерницамъ ходитъ, что тамъ у ней съ нею и познать учинилась, что она была ей челомъ, что до нее мужъ лихъ, бьетъ и увѣчитъ и она, Танька, дала ей корень, а велѣла положить его на зеркальное стекло, да въ то зеркало смотрѣтца и до тебя де будетъ мужъ добръ.

Ворожея во всемъ запиралась, говорила, что мастерница тѣмъ ее клеплетъ, что она ее и не знаетъ и коренья ей никакова не даывала. Да объ томъ у нихъ межъ себя было спору много. Дьякъ, видя ихъ споръ, началъ ихъ спрашивать, разводя порознь, со всякою пригрозою. Но ворожея стояла на своемъ. Дьякъ потомъ спрашивалъ ее на одинъ со многою пригрозою, объявилъ ей, что если не повинится, то будутъ ее пытать накрѣпко и огнемъ жечь. Пригроза пытки, подѣйствовала и ворожея призналась, однако въ томъ только, что дѣйствительно дала корень мастера цѣ отъ лихова мужа, чтобы ее мужъ лю-

билъ; но въ Кисловку ни къ кому не ходитъ, и ни кого тамъ не знаетъ. Тоже она говорила и на очной ставкѣ съ мастерицею, всячески запираясь, не смотря на улики, что въ царицыну слободу къ мастерицамъ не ходитъ и съ ними не знается. Тѣмъ и заключился предварительный допросъ. Записавъ рѣчи, дьякъ отдалъ подсудимыхъ держать приставамъ.

Черезъ пять дней, февраля 5, государь, слушавъ это дѣло, велѣлъ ѣхать къ пыткѣ окольному Василью Ивановичу Стрѣшневу да дьяку Сурьянину Тороканову и про то дѣло сыскивать и мастерицу и жонку Таньку спрашивать на крѣпко. Въ первыхъ своихъ рѣчахъ Антонида сказала, что ей жонка Танька дала корень отъ сердечныя болѣзни, а потомъ сказала, что для того, чтобы до нея мужъ былъ добръ, слѣдовательно рѣчи свои рознила, потому и должна открыть все подлинно. Если она у той жонки взяла корень для лихова мужа, то, по своему воровству, ей довелось тотъ корень держать у себя на подворьѣ, а къ государю во дворецъ его носить не пригоже. А коли она тотъ корень принесла въ Верхъ и она для чего принесла и по какому умышленью; и его государя и царицу и ихъ царскихъ дѣтей портить не хотѣла и кто иной ее съ тѣмъ не засылалъ ли? Или она сама по какому умышленью тотъ корень въ Верхъ принесла и для чего принесла? А жонку Таньку спросить: сказываетъ она, что тотъ корень дала мастерицѣ, для того чтобы до нее мужъ былъ добръ, и она бѣ сказала подлинно какой тотъ корень словеть, и гдѣ она его взяла и сколь давно она тѣмъ промышляетъ, и кому инымъ или ей, Антонидѣ, oprичъ того какіе коренья давали, и въ царицыну слободу въ Кисловку ходитъ ли, и съ мастерицами знается ли, и будетъ знается и почему у нихъ съ ними познать; и государя съ государынею и ихъ царскихъ дѣтей не порчивала ли, и инымъ кому портить не веливала ли, и коренья имъ не давала ли, и на то дѣло кто у ней самъ или засылкою не пытался ли? Ввечеру окольный Стрѣшневу и дьякъ Торокановъ ѣздили къ пыткѣ и спрашивали ихъ, разводя порознь, по статьямъ.

У пытки мастерица говорила свои прежнія рѣчи, прибавивъ, что корень во дворецъ принесла спроста, безъ всякаго умыслу и портить никого изъ государственной семьи не хотѣла. — Не смотря на то ее велѣли попытать слегка, повторивъ тотъ же самый допросъ съ нѣкоторыми незначительными дополненіями. Такъ ли она надъ государемъ, царицею и царскими дѣтьми кореньемъ

или иною какою порчею не порчивала-ли, и засылки къ ней о томъ отъ верхнихъ боярынъ или отъ постельницъ или изъ иныхъ чиновъ отъ какихъ людей не бывало? Только одинъ ли корень она взяла у жонки, не брала ли чего и еще, и съ иными коренщицы не знаетъ ли? Но прежній отвѣтъ былъ полученъ и съ пытки.

Болѣе подробностей рассказала у пытки ворожея и коренщица Танька; вотъ ея слова: родомъ она города Орла, бывала стрѣлцкая жена, да послѣ того овдовѣла и шла за бродящаго челоуѣка за Гришку Плотника. Оба они живутъ на Москвѣ на дворничествѣ у Меншова Головачова. Въ нынѣшнемъ въ 1635 году генваря 27, прислала та мастерица Анонида къ ней малова своего, чтобъ она у ней побывала, и какъ къ ней пришла и она ей говорила, чтобъ она ей сдѣлала, чтобъ ее мужъ любилъ; и она де дала ей корень, зовутъ его *обратимъ*, а велѣла ей тотъ корень положить на зеркальное стекло да въ то зеркало смотрѣтьца. Въ остальномъ во всемъ она заперлась и ничего не прибавила во время пытки и при уличкахъ на очной ставкѣ, даже тогда, когда ее стали жечь огнемъ¹. Сказала только, что корень дала мастерицѣ не съ умышленья, по ея просьбѣ; и держала его у себя спроста. И государя и государыню и ихъ царскихъ дѣтей кореньемъ, и инымъ ничемъ не порчивала и портить не хачивала и засылки къ ней объ томъ отъ верхнихъ боярынъ и отъ постельницъ и отъ мастерицъ и изъ иныхъ чиновъ ни отъ какихъ людей не бывало, и въ царицыну она слободу къ мастерицамъ и къ инымъ ни къ кому не ходитъ и съ ними ся не знаетъ. Тѣмъ и окончился этотъ розыскъ. О судьбѣ этихъ лицъ въ сыскномъ дѣлѣ

¹ Устроены, говорятъ Котошихинъ, для всякихъ воровъ пытки: сымутъ съ вора рубашку и руки его назади завяжутъ, подлѣ кисти, веревкою; обшита та веревка войлокомъ; и подымутъ его къ верху: учинено мѣсто, что и висѣлица (дыба), а ноги его свяжутъ ремнемъ; и одинъ челоуѣкъ палачъ вступитъ ему въ ноги, на ремень своею ногою и тѣмъ его отягиваетъ. И у того вора руки стануть прямо противъ головы его, а изъ суставовъ выдутъ вонъ; и потомъ сзади палачъ начнетъ бити по спинѣ кнутомъ изрядка, въ часъ боевой ударовъ бываетъ тридцать или сорокъ; и какъ ударитъ по которому мѣсту по спинѣ, и на спинѣ станеть такъ слово въ слово будте большой ремень вырванъ ножемъ мало не до костей . . . . . И жгутъ огнемъ, свяжутъ руки и ноги и вложатъ межъ рукъ и межъ ногъ бревно, и подымутъ на огонь, стр. 91 и 92.

находимъ извѣстіе, что сосланы въ Казань за опалу въ вѣдовскомъ дѣлѣ царицынъ сынъ боярскій Григорій Чашниковъ съ женою, да на Чаронду Гриша Плотникъ съ женою съ Танькою и велѣно имъ жити и кормитца на Чарондѣ, а къ Москвѣ ихъ отпустить невелѣно, потому что та Гришина жена вѣдомая вѣдунья и съ пытки сама на себя въ вѣдовствѣ говорила.

Колдовство на царицынъ слѣдѣ.

1638 г. ноября 16 извѣщали государю мастерицы Марья Сновидова да Степанида Арапка и рассказывали: какъ былъ государь въ Троицкомъ осеннемъ объѣздѣ¹ и безъ него государя приходила въ Верхъ къ мастерицѣ Дарьѣ Ламановѣ невѣдомо какая жонка, а видѣли то онѣ мастерицы да два сторожа, свѣтлицы да портомойной. Да она жъ Дарья, украдчи остатки государевыхъ дѣланныхъ скатертей, отдала тѣмъ сторожамъ невѣдомо для чего. Да какъ государь пришелъ изъ объѣзду и пріѣхавъ изъ того объѣзда подруга ея мастерица Авдотья Ярышкина, шла въ Верхъ по каменной лѣстницѣ и она Дарья говорила ей, что сыпала песокъ на слѣдѣ государыни царицы Евдокии Лук.; и то слово слышала она Авдотья да свѣтличная писица Ненила Волонская, а отъ писицы слышала мастерица Анна Коробанова. Да какъ послѣ того царица шла по переходамъ мимо Свѣтлицы и въ тѣ поры онѣ извѣтчицы говорили ей Дарьѣ про свѣтличную пропажу государскихъ скатертей и она имъ сказала: толькобъ де мнѣ царицу уходить, а инныя де мнѣ дешева и слышали то слово золотныя мастерицы. Да она жъ Дарья, какъ государь былъ въ Троицкомъ объѣздѣ, ѣздилъ за Москву рѣку къ серпуховитину Ивану Соймонову ночевать; а пріѣзжала къ нему покрыта государскимъ полотномъ, въ которыхъ полотнахъ дѣлаютъ государскимъ дѣтямъ сорочки, и она то полотно, ѣздя, изодрала. Вотъ какія свѣтличныя событія происходили на этотъ разъ въ отсутствіе государя и царицы. Надо было *сыскать* подлинно и обо всемъ распросить. Государь указалъ сдѣлать розыскъ тому же окольникему Стрѣшневу и дьяку Сурьянину Торочанову.

¹ Государь съ царицею въ этотъ годъ ходили молиться къ Троицъ, въ Переяславль и въ Александрову Слободу съ 4 по 30 октября.

При первомъ распросѣ мастерица Дарья сказала, что приходила къ ней въ Верхъ золовка ея Матренка Бахирева и стояла съ нею у нижней Свѣтлицы, а потомъ она взяла ее къ себѣ въ верхнюю Свѣтлицу, потчивала медомъ и отпустила домой; остатки скатертей отдала сторожамъ потому, что они ни къ чему не пригодятся (три лоскута, по смѣтѣ всего съ поларшина); песку на слѣдъ царицы не сыпывала и слова говорила такія: толькобъ государыня ее пожаловала, а нынѣ ей не дороги, и къ Соймонову ночевать не ѣзживала.

Мастерица Авдотья Ярышнина рассказала, какъ и изъ-за-чего началось дѣло. Какъ государь съ царицею пришли изъ троицкаго объѣзда, она, бывъ въ Верху, пошла къ себѣ; и какъ будетъ на крыльцѣ противъ полатки, гдѣ стоятъ на караулѣ, тутъ стояла мастерица Марья Сновидова съ сестрою Домною; и Домна приказываетъ мужу Марьину, чтобъ онъ ея сестру, а свою жену поучилъ гораздо за то, что она покрала въ Свѣтлицѣ коробью у мастерицы Анны Коробановой, а она тоѣ свою сестру завтра въ Свѣтлицѣ передъ всѣми мастерицами выучить, чтобъ она впередъ не дуrowала. Тогда мастерица Марья, оправдываясь, начала говорить: то де на насъ поносить мастерица Дарья Ламанова и только де она въ томъ на насъ посягаетъ, ино де и то будетъ наруже, какъ она на слѣдъ г. дарицы сыпала песокъ. Услышавъ отъ нее то слово, Авдотья ударила ее Марью плѣтнымъ батогомъ въ голову: не ври де ты, жидовка! Какъ ты такое слово говоришь, отъ чего голова твоей пропасть! Потомъ на завтрае, пришедъ въ Верхъ, она Авдотья сказывала то слово своимъ подругамъ; да слышала то слово и писица Ненила.

Извѣтчицы Марья и Степанида показывали, что какъ царица шла съ переходомъ мимо Свѣтлицы и Дарья въ то время говорила: лишебъ мнѣ уходить царицу, а онъ ей недороги. Еще сказывала имъ подруга ихъ тажъ Дарья: есть де у ней такая баба, что всему тому пособить, да и звала къ той бабѣ за Москву рѣку. Судьи поставили мастерицъ на очную ставку. Съ очей на очи Дарья Ламанова во всемъ запиралась; о царицѣ говорила по случаю пропажи, толькобъ государыня въ той пропажѣ ее пожаловала, а онъ де ей всѣ недороги. Судьи объявили ей: если она вины своей не принесетъ и правды не скажетъ, то государь указалъ пытать ее накрѣпко и огнемъ жечь.

Постоявъ немного, она заплакала и учала виниться. Въ томъ словѣ, что будто на слѣдъ государыни сыпала песокъ — виновата; нѣчто будетъ то слово подругамъ своимъ она молвила со пьяна. Да и въ томъ она виновата, что за Москву рѣку къ Ивану Соймонову, покрывся государскимъ полотномъ, ночевать ѣздилъ и какъ пріѣхала потомъ къ себѣ на подворье и мужъ сталъ ее спрашивать, куды она ѣздилъ и гдѣ ночевала? И она боясь мужа своего побой, сказала ему, что грѣшнымъ де обычаемъ прожгла она царевны Ирины Мих. сорочку и ѣздилъ за Москву рѣку прибирать къ той сорочкѣ новое полотно, вмѣсто прозженнаго, которымъ и была покрыта. Но о жонкѣ, которая приходила къ ней въ Свѣтлицу, она подтвердила только прежнія свои рѣчи. На другой же день, государь, слушавъ сего дѣла, велѣлъ мастерицъ и сторожей пытать: „какъ мастерица Дарья на слѣдъ государыни сыпала песокъ, какъ она Дарья звала съ собою за Москву рѣку Степаниду Арапку къ бабѣ, а говорила, надабе де государское сердце уходить, а инья де ей подруги ея сошлись даромъ, и для-ль государскія порчи хотѣла итти къ бабѣ или для инова какова дѣла и кто съ нею въ томъ дѣлѣ и какіе люди въ думѣ были; и въ Верхъ къ ней Дарь въ Свѣтлицу та ли баба, которая живетъ за Москвою рѣкою, приходила или какая иная и для чего приходила?

У пытки Дарья повинилась: „въ томъ она передъ государемъ и передъ государынею виновата, что къ бабѣ, къ ворожеѣ подругу свою Степаниду Арапку за Москву рѣку звала, а тоѣ де бабу зовутъ Настасьицею, живетъ за Москвою рѣкою на вспольѣ; а спознала ее съ нею подруга ея золотная жъ мастерица Авдотья Ярышкина, для того, что она людей привораживаетъ, а у мужей къ женамъ сердце и ревность отымаешь; а наговариваетъ на соль и на мыло; да тоѣ соль дають мужьямъ въ ѣствѣ и въ питъѣ, а мыломъ умываютца; да и надъ мужемъ де она, Авдотья, своимъ тожъ дѣлала и у него къ себѣ серцо и умъ отняла: что она Авдотья ни дѣлаетъ, а онъ ей въ томъ молчитъ. Да онажъ Авдотья воруетъ съ братьями своими двумя Соймоновыми и ею Дарьею братьямъ своимъ сводничаетъ, тому нынѣ четвертый годъ. И била челомъ, чтобъ поставить Авдотью съ нею съ очей на очи и распросить, по-потому что она про то дѣло, что ей Дарь давала баба колдунья подлинно вѣдаетъ. Да тажъ баба давала, наговариваючи,

золотной же мастерицѣ Аннѣ Тяпкинѣ, чтобъ мужъ ея Алексѣй Коробановъ добръ былъ до ея Аннинныхъ дѣтей“. — Стали пытати Дарью накрѣпко. Съ пытки она говорила, что ѣздилъ къ той бабѣ и пыталась для мужа, чтобъ ее мужъ любилъ, желала только приворожить мужа и что колдунья въ Свѣтлицу къ ней не приходила. Но когда велѣли пытати другую мастерицу, Марью Сновидову, утверждавшую противное, и какъ ее учали разболочать — мастерица Дарья стала просить чтобъ ее не портить, присовокупивъ, что какъ сыщутъ той бабу съ которою она спозналась чрезъ Авдотью Ярышкину, — тутъ все объявитца, а она ту бабу укажетъ, и гдѣ живетъ она дворъ знаетъ. Судья тотчасъ послалъ за колдуньей. Привели жонку — колдунью. Въ роспросѣ она сказала, зовутъ ее Настасьицею, Иванова дочь, родомъ Черниговка, а мужъ у ней Литвинъ, зовутъ его Янкою Павловъ. На очной ставкѣ ее всѣ признали за ту именно бабу, которая приходила во дворецъ. Сама Дарья Ламанова сказала, что у ней та жонка въ Свѣтлицѣ была и медомъ она ее потчивала. Но Настасьица во всемъ запыралась: мастерицѣ она ни кого не знаетъ и у нихъ въ Свѣтлицѣ не бывала. Судья велѣли ее пытати накрѣпко и огнемъ жечь. И послыша то мастерица Дарья учела винитца и плакать, а той жонкѣ Настѣ говорить, чтобъ повинилась. „Помнишь ты сама, говорила она ей, какъ мнѣ про тебя сказала мастерица Авдотья Ярышкина; и я по ея сказкѣ къ тебѣ пришла и воротъ черной своей рубашки, отодравъ, къ тебѣ принесла, да съ тѣмъ же воротомъ принесла къ тебѣ соль и мыло. И ты меня спросила, прямое ли имя Авдотья, и я сказала тебѣ, что прямое, и ты въ тѣ поры той моей рубашки воротъ на ошосткѣ у печи сожгла и на соль и на мыло наговорила, а какъ наговорила и ты велѣла мнѣ тотъ пепель сыпать на государственной слѣдѣ, куда государь и государыня царица и ихъ царскія дѣти и ближніе люди ходятъ и тебѣ де въ томъ. отъ государя и отъ царицы кручины никакія не будетъ, а ближніе люди учнутъ любить. А мыломъ велѣла ты мнѣ умыватца съ мужемъ; а соль велѣла давати ему въ питьѣ и въ ѣствѣ, такъ де у мужа моего сердце и ревность отойдетъ и до меня будетъ добръ. Да и не одна я у тебя была, продолжала Дарья; приходили послѣ того со мною къ тебѣ Васильева жена Колодича, Семенова жена Суровцова, и ты имъ, наговоря, соль и мыло давала. Авдотья Ярышкина приходила къ тебѣ съ братьями своими Соймоновыми, да у тебя и ночевали.

Не смотря на улики, сопровождаемая пыткой, ворожея записалась. Мастерница же говорила, что именно отъ нее получила пепель и сыпала на слѣдъ государыни у свѣтлицы по крыльцу, гдѣ ходять на переходы, да у дверей проходной палаты, гдѣ ходять на тѣхъ переходы; а сыпала она тотъ пепель на царьцынъ слѣдъ, какъ государь пришелъ изъ рубцовскаго объѣзду (въ концѣ августа). Стали пытать колдунью въ другой разъ и огнемъ жечь. Она не выдержала и повинилась, что мастерницамъ Дарьѣ Ломановѣ и ея подругамъ, которыхъ знаетъ а иныхъ и незнаетъ, сжегши женскихъ рубашекъ ворота, и наговоря соль и мыло, давала, и пепель велѣла сыпать на государской слѣдъ, но не для лихова дѣла, а для того, какъ тотъ пепель государь и государыня перейдетъ, а чье въ тѣ поры будетъ челобитье и то дѣло сдѣлается; да отъ того бываетъ государская милость и ближніе люди къ нимъ будутъ добры. А соль и мыло она велѣла мастерницамъ давать мужьямъ своимъ, чтобъ до нихъ были добры.

Но этого было недостаточно. Предложенъ былъ новый вопросъ: сколь она давно тѣмъ промысломъ промышляетъ и отъ Польскаго и отъ Литовскаго короля къ мужу ея литвину Янкѣ присылка или заказъ, что ей государя или государыню испортить, былъ ли; и чѣмъ она и какими лихими дѣлы ихъ государей портила; и давноль она тому дѣлу, что мужей приворачивать, научилась, и кто ее тому училъ, и мужъ ея про то вѣдаетъ ли? На пыткѣ и на огнѣ колдунья отвѣчала, что къ мужу ея къ литвину Янкѣ и къ ней изъ Литвы отъ короля для государскія порчи призазу и иного никакого заказу не бывало, и сама она ихъ государей не порчивала. Только она дала мастерницѣ Дарьѣ ворота женой рубашки пепель, а велѣла сыпать на государской слѣдъ, чтобъ государь и царица и ближніе люди до нее были добры. А что она мужей приворачиваетъ, и она только и наговорныхъ словъ говорить: какъ люди смотрятца въ зеркало, такъ бы мужъ смотрѣлъ на жену да не насмотрѣлся: а мыло, сколь борзо смываетца, столь бы де скоро мужъ полюбилъ; а рубашка, какова на тѣлѣ бѣла, столь бы де мужъ былъ свѣтелъ; да и инья де она не лихія слова наговаривала, чтобъ государь и государыня жаловали, а ближніе люди любили; а мужъ ея про тотъ промыселъ не вѣдаетъ. А учила ее тому на Москвѣ жонка Манка, слыветъ Козлиха, а живеть за Москвою рѣкою у Покрова.

Тотчасъ отыскали и Манку Козлиху и поставили ихъ съ очей на очи. Они, какъ и слѣдовало, завели споръ. Настасьпа сказывала, что ее ворожить учила она Манка, а Манка отрекалась, говорила, что неучивала. Стали пытаться. Почти тоже Манка сказала и съ пытки: ворожить не учивала, ворожбы не знаетъ, а только и знаетъ, что малыхъ дѣтей смываетъ да жабы, у кого прилучитца, во ртѣ угбвариваетъ да горшки на брюха наметываетъ, а опречь того и ничего не знаетъ. Между тѣмъ колдунья Настька не переставала ее уличать и доказывать, что она ворожить выучилась у ней. Стали Манку пытаться въ другой разъ накрѣпко и огнемъ жечь. Но колдунья не сознавалась ни въ чемъ. Настька, уличаючи ее, говорила, что она запирается, будто мастерицъ нѣкого не знаетъ, она де и портомой знаетъ. Женился солдатъ у портомой, слыветъ Лидовской; и тотъ солдатъ съ портомоею къ ней Манкѣ приходилъ. Та отвѣтила, что приходилъ, но не для ворожбы.

Въ числѣ новыхъ уликъ ворожея Настасьпа сказала, что еще за годъ назадъ сынъ Маннинъ, приводилъ къ ней Настькѣ мастерицу Дарью Ламанову, которая съ тѣмъ дѣтиною принесла къ ней наговаривать соль да мыло. И она Настька ему сказала: для чего къ ней съ тою мастерицею мимо матери своей ходить; и тотъ отвѣтилъ, что мать его спитъ пьяна; и она Настька, наговоря соль и мыло, для привороту, ей Дарьѣ дала. А наговаривала ту соль, отнимаючи ревность у мужей. На очной ставкѣ все это подтвердила и мастерица Дарья; но Манка Козлиха не сознавалась ни въ чемъ и просила пытаться Настьку, потому что она ее клевететь. Настька съ пытки говорила прежнія рѣчи. Тогда велѣли пытаться Манку въ-третьи, накрѣпко и огнемъ жечь.

„И жонка Манка съ пытки повинилась, а сказала, что она сама ворожить и Настасьпцу ворожить учила. А ей Манкѣ тоѣ ворожбу оставила при смерти мать ея родная Оленка; а какъ матери ея настало, тому нынѣ еемой годъ; а ворожа, она, въ приворотѣ, на соль и на мыло и на зеркало наговаривала: какъ смотрятца въ зеркало да не насмотрятца, такъ бы мужъ на жену не насмотрѣлся; а соль: какъ тоѣ соль люди въ вствѣ любить, такъ бы мужъ жену любилъ; а на мыло наговаривала: сколь скоро мыло съ лица смоецца, столь бы скоро мужъ жену полюбилъ; а ворота рубашечные жегши приговаривала; какова бѣла рубашка на тѣдѣ, таковъ бы мужъ до жены былъ;

а жабу у кого прилучитца во ртѣ уговариваетъ: святой ангелъ хранитель умири и исцѣли, у того имянемъ у кого прилучитца, болѣзнь сію. А инова она ничего лихова опричь того не знаетъ и лихимъ словомъ не наговариваетъ. Да и не одна она тѣмъ ремесломъ промышляетъ, есть на Москвѣ и иныя бабы, которыя подлинно умѣютъ ворожить. Одна живетъ за Арбацкими ворота, зовутъ ее Ульяною, слѣпая; а двѣ живутъ за Москвою рѣкою, одна въ Лужникахъ, а другая, зовутъ Дунькою, въ Стрѣлецкой слободѣ.

Такимъ образомъ явились еще ворожеи, баба Улька, Дунка, да Феклица, всѣ слѣпыя. Судьи тотчасъ послали по тѣхъ бабъ. Когда ихъ поставили къ дѣлу, съ очей на очи съ Козлихою, то въ распросѣ онѣ сказали, что Манки не знаютъ и сами не ворожатъ и съ ворожеями не знаютца. Но та утверждала, что „они сами ворожатъ и ворожиться къ нимъ изо многихъ дворовъ всякіе люди ходятъ“. Начали пытати накрѣпко жонку Ульку, повторяя всѣ тѣ вопросы, на которыхъ главнымъ образомъ сосредоточивалось все дѣло, т. е. не пыталась ли портить государственное здоровье и верховыхъ постельницъ и мастерицъ кого знаетъ? Съ пытки она сказала, что „только и знаетъ, что около малыхъ дѣтей ходитъ, кто поболитъ и она ихъ смываетъ, и жабы во ртѣ уговариваетъ да горшки на брюха наметываетъ, а наговорные слова у ней таковы: ангелъ хранитель утиши во младенцѣ семъ, у кого объявитца болѣзнь сія, да наговоря на воду, дѣтей смываетъ. А жабы во ртѣ давитъ да тѣмижъ слова наговариваетъ“. Потомъ во время новой пытки и жженія огнемъ она прибавила, что „не однимъ тѣмъ промышляетъ, есть де за нею и иной промыслъ: у которыхъ людей въ торговлѣ товаръ заляжетъ, и она тѣмъ торговымъ людемъ наговариваетъ на медъ, а велитъ имъ тѣмъ медомъ умываться, а сама приговариваетъ: какъ пчелы ярыя роятца да слетаютца, такъ-бы къ тѣмъ торговымъ людемъ для ихъ товаровъ купцы сходились. И отъ того наговору у тѣхъ торговыхъ людей на товары купцы бываютъ скорые. А какъ она мужей къ женамъ приворачивала, и она наговаривала на хлѣбъ съ солью, да на мыло; а наговариваючи тотъ хлѣбъ съ солью, велѣла женамъ ѣсть: какъ де хлѣбъ да соль люди любятъ, такъ бы мужъ жену любилъ; а мыломъ велѣла умываться: сколько скоро мыло къ лицу прильнетъ, столь-бы скоро мужъ жену полюбилъ. А у кого дучитца сердечная болѣзнь или лихорадка или иная ка-

кая внутренняя болѣзнь—и она тѣмъ людямъ, наговариваючи на вино да на чеснокъ да на уксусъ, давала; а въ приговорѣ наговаривала; утиши самъ Христосъ въ томъ человекѣ болѣзнь сію, да Уваръ христовъ мученикъ, да Иванъ Креститель, да Михаило Архангелъ да Тихонъ святой и иныя божественныя слова, а не лихія, — и отъ того тѣмъ людямъ бывала легость. Послѣ новыхъ пытокъ и женья Ульяна ничего въ рѣчахъ не прибавила.

Другая ворожея Дунька слѣпая объяснила съ пытки, что ворожбы и вѣдательства никакого не знаетъ, а только знаетъ, что малыя дѣтей отъ уроковъ смываетъ да жабы во рту уговариваетъ. Да она-жь на бруха, у кого что пропадетъ, смотритъ. А на кого скажутъ невѣрну и она, посмотря на серцо, узнаетъ, потому что у него сердце трепещетъ.

Третья, Ѳеклица, съ пытки созналась только въ томъ, что грыжи людямъ уговариваетъ, — а наговариваетъ на громовую стрѣлку да на медвѣжьей ноготь да съ товъ стрѣлки и съ ногтя даетъ пить воду, а приговариваючи, говоритъ: какъ де ей старой жонкѣ дѣтей не раживать, такъ бы, у кого та грыжа, и болѣзни небыли; да она-жь, у кого случитца, на бруха горшки наметываетъ. Несмотря на жестокия пытки и сженіе огнемъ, что повторялось нѣсколько разъ, всѣ эти жонки колдуньи ничего болѣе неоткрыли. Оставалось распросить оговоренныхъ мастерицъ. Авдотья Ярышкина ни въ чемъ не созналась и сказала, что Дарья ее тѣмъ всѣмъ клеветъ. Анна Тяпкина сказала, что въ прошломъ году Дарья привезла къ ней въ Свѣтлицу, пьяная, вина да въ бумажкѣ соли и велѣла ей то вино пить, а не сказала, что оно наговорное. Она Анна, боясь, что отъ Дарьи чинится въ Свѣтлицѣ пропажа, того вина не пила и его вылила, а соль разсыпала на землѣ; колдуньи она не знаетъ и ничѣмъ на государское здоровье у ней не пыталась. Прасковья Суровцова сказала, что пыталась у колдуньи и наговореную соль брала, для того, чтобъ зять еѣ добръ былъ до ея дочери; а инымъ ничѣмъ не пыталась. Прасковья Колодничка сказала, что пыталась у колдуньи, брала наговореную соль, по тому что мужъ ея до нея лихъ, и она ему давала ту соль, для того чтобъ до неѣ былъ добръ.

Дѣло по разнымъ обстоятельствамъ приостановилось почти на четыре мѣсяца. Въ теченіи этого времени, въ январѣ 1639 года, послѣ непродолжительной болѣзни, умеръ пятилѣтній ца-

ревичъ Иванъ Михайловичъ, а въ концѣ марта новорожденный царевичъ Василій Михайловичъ (стр. 320). Эти несчастныя для царицы событія не остались безъ вліянія и на ходъ разсматриваемаго дѣла. 1 апрѣля, слѣдовательно чрезъ нѣсколько дней по смерти новорожденнаго царевича, государь указалъ снова распросить и пытатъ накрѣпко и мастерицу и вѣдунью женку Настыку.

Содержаніе новыхъ допросовъ заключалось въ томъ, что такъ какъ мастерица Дашка, къ бабѣ ворожеѣ, которая людей приворачиваетъ и у мужей къ женамъ серцо и ревность отымаеть, — ѣздила и пыталась у ней, чтобъ баба сдѣлала какъ бы до нее Дашки государь и государыня и ихъ государскія дѣти и ближніе люди были добры; и колдунья Настыка, зжегши ея Дашкинъ рубашечный воротъ, велѣла ей сыпать на государственой слѣдъ: какъ де государь и государыня перейдетъ тотъ слѣдъ, а чье въ тѣ поры будетъ челобитье и то дѣло сдѣлается; и она Дашка на слѣдъ царицы пепель сыпала, что все подтвердила съ пытки и сама колдунья; и послѣ того ихъ воровства, какъ мастерица на слѣдъ государыни сыпала вѣдовской рубашечный пепель, — государыня царица Евдокія Лукьяновна учала не домогать и быти печальна; да послѣ тогожъ вскорѣ грѣхъ учинилсѣ, государя царевича Ивана Михайловича не стало; а послѣ тоѣжъ скорби вскорѣ государыня царица родила государя царевича Василія Михайловича бѣдна, и послѣ еѣ государскихъ родинъ и того государя царевича Василія Михайловича не стало вскорѣжъ; и нынѣ государыня передъ прежнимъ скорбнажъ и межъ ихъ государей въ ихъ государскомъ здоровѣи и въ любви стало не по прежнему. И то знатно, кабы съ того времени, какъ она Дашка по вѣдовству жонки колдуньи Настыки Черниговки на слѣдъ государыни сыпала пепель и отъ того времени и до сихъ мѣстъ межъ ихъ государей скорбь и въ ихъ государскомъ здоровѣи помѣшка. И онабъ мастерица Дашка и вѣдунья жонка Настыка сказали про то подлинно въ правду, для чего она Дашка вѣдовской рубашечный пепель на слѣдъ государыни царицы сыпала; а та вѣдунья Настыка что подлинно надъ тѣмъ пепеломъ наговаривала и на государственой слѣдъ сыпать велѣла: надъ государемъ и надъ государынею и надъ ихъ государскими дѣтьми какое лихое дѣло неумышляли и ихъ государей не портили и дѣтей ихъ государскихъ у нихъ государей не отнимали и совѣтъ ихъ государственой межъ ихъ государей своею

говскою розню къ развращеню не дѣлали и дѣтямъ ихъ дарскимъ въ ихъ многолѣтнемъ здоровѣ тѣмъ своимъ вѣскимъ дѣломъ, порчею, лѣтъ не убавливали и иного каго зла имъ государямъ и ихъ дѣтямъ неумышляли и **умы** что, не дѣлали, про тобъ про все сказали вправду.

При особенной пригрозѣ, при новыхъ пыткахъ и сжени огнь, и мастерица и колдунья говорили тѣмъ рѣчи, что и наредъ того связывали: именно, что одна сыпала, а другая велѣла ей сыпать пепель на слѣдъ государыни для того, **чтобъ** лица ее Дарью жаловала, а не для лихова дѣла.

Затѣмъ истязанія прекратились и колдунья Настасьицы **вско** не стало — она умерла. Умерла также и другая колдунья Янка слѣпая; прочіе подсудимые были розданы приставамъ въ стражу, до окончанія дѣла.

Спустя мѣсяца четыре, въ августъ тогоже года, это **дѣло** было поднято пыткой и допросомъ оговоренныхъ мастерицъ. На Авдотью Ярышкину несчастная Дарья Ламанова поывала, что она ее спознала съ бабою ворожеею, которая ей приворачиваетъ, а у мужей къ женамъ сердце и ревность **лимаетъ**, что Авдотья тѣмъ ворожучи и мужа своего обошла, что хочетъ; то воруетъ, а мужъ ей въ томъ молчитъ: что воруетъ она съ братьями своими и ею Дашкою съ ними сводничала. На новомъ распросѣ мастерица Ярышкина во всемъ запыралась и говорила, что Дарья все затѣяла на нее по недружбѣ. Но съ пытки во всемъ повинилась. Къ колдуньѣ она ѣздитъ пыталась для того, что у ней на дочери была паучая болѣзнь и еще для того, чтобъ ее любилъ мужъ и ни въ чемъ не возбранялъ и подругою своею Дарьею сводничала; но на государей никакого зла неумышляла.

Прасковья Суровцова съ пытки же повинилась въ томъ только, что она дѣйствительно у колдуньи Настьки пыталась и наговорную соль и мыло и своей рубашки ворота женой пепель у ней брала, и тѣмъ мыломъ велѣла дочери своей умываться, и соль и пепель сыпала въ питье, да давала пить зятю своему, чтобъ зять ее добръ былъ до ея дочери.

Прасковья Колоднича съ пытки призналась также въ одномъ, что ходила за Москву рѣку къ бабѣ Настькѣ, и мыло и бѣлгла и соль наговорную у ней брала, и тѣмъ мыломъ умывалась и бѣлилами бѣлилась, а соль мужу своему давала въ ѣствѣ, для того, чтобъ мужъ до нее добръ былъ. И она, убѣясь, вышла

къ своему мужу, какъ онъ пришелъ во дворъ, и мужъ въ тѣ поры ее убилъ (зашибъ, прибилъ); и она видя, что въ томъ наговорномъ мылѣ и въ бѣлилахъ и въ соли помочи нѣтъ, взяла да и достальное мыло и соль разметала.

Въ сентябрѣ тогоже 1639 года вышелъ государевъ указъ: Дарью Ламанову съ мужемъ сослать въ Сибирской городъ на Пелымъ; Авдотью Ярышкину съ мужемъ, съ сыномъ и съ дочерью сослать въ Каргополь; а ихъ подругъ, другихъ мастерицъ, выслать изъ Двора и съ мужьями и впередъ въ царицыномъ чину не быть; колдуній разослать въ города: Манку Козлиху къ Соликамской, Дуньку слѣпую въ Кайгородъ, Фекицу слѣпую съ мужемъ на Вятку. — Сторожей, свѣтличнаго и портмойнаго, бить бѣтоги и изъ Двора выслать; сына боярскаго Соймонова и подъячаго Якунина, вѣроятно по тому же дѣлу, бить кнудомъ.

Посмѣшное слово постельницъ.

Въ 1639 г. августа 5 приходитъ къ одному стрѣльцкому десятнику нѣкая полонянка Акулина Незнанова писать челобитье къ государю съ извѣтомъ на постельницу Любаву Волосатову, на ея дочь и на сына и на зятя, и сказывать про нихъ государеву *дѣло*, про государя и про царицу посмѣшное *слово*. Стрѣлецъ тотчасъ написалъ и подалъ челобитье, прибавивъ, что „инова ему и писати нельзя, скажетъ все та иноземка полонянка сама у роспросу и на очной ставкѣ. 9 августа челобитная была уже въ комнатѣ у государя, гдѣ и рѣшено *сыскать*, и розыскъ порученъ царицыну дворецкому В. И. Стрѣшневу съ тѣмъ же дьякомъ, которые на другой день велѣли тотчасъ передъ собою поставить указанную полонянку. Акулина въ роспросѣ сказала: еще въ 1633 г., какъ родился (іюня 2) царевичъ Иванъ Мих. (умершій въ этомъ 1639 г. генв. 10) и въ тѣ поры, пришедъ съ государскихъ родинъ къ себѣ на подворье постельница Люба Волосатова съ дочерью Домною да съ сыномъ Иваномъ и съ зятемъ Ортемьемъ, говорили межъ себя въ разговорѣ: наряжу де я курку свою гречанку въ желтые сапоги да въ шубку да въ шапку и прикажу (опредѣлю) ее въ Верхъ въ постельницы и она де будетъ таковажъ постельница жъ, какъ и государскія постельницы, кабы де у

ударя и у государыни живутъ въ Верху въ постельницахъ
рыя жены; да и сама де царица не дорога, знали ее, коли
хаживала въ жолтикахъ (въ желтыхъ сапогахъ), нынѣ де
Богъ возвеличилъ! Акулина ссылалась, что тѣ слова слы-
ли двѣ вдовы, которыя у нихъ въ тѣ поры на дворѣ были.
Судьи велѣли тотъ же часъ поставить передъ собою и этихъ
вдовъ, которыя отъ постельницъ тѣ непригожія рѣчи слышали.
Вдовы подтвердили, что такія рѣчи дѣйствительно слышали,
и разговоръ отъ одной Любины дочери Домны, а она въ тѣ
поры была не въ постельницахъ, а жила съ матерью.

Судьи велѣли поставить передъ собою постельницъ, мать и
дочь. На распросѣ онѣ во всемъ запырлись и говорили, что
понявша и вдовы клепятъ ихъ, да въ томъ имались съ ни-
ми за пытку. Вдовы тоже просили постельницъ на пытку, ска-
завъ, какъ де имъ тѣмъ дѣломъ клепать: что слышали, то и
называютъ въ правду; да и объяснили, что одна изъ нихъ сы-
ла Любину Ивану теща, а другая его женѣ большая родная
дочь, а ему своячина, и имъ будучи съ ними межъ себя въ
судействѣ такого великаго дѣла, какъ учало быть въ сыску,
сказать не можно. Постельницы учили вдовъ бранить и называли
ихъ непригожими словами и корчемницами, что онѣ, воруючи
продаютъ вино и инымъ всякимъ воровствомъ промышляютъ,
а на нихъ постельницъ то затѣваютъ напрасно. Вдовы защи-
щались и, оправдываясь въ обвиненіи, ссылались на Кадашев-
скую боярыню Анну Бегичеву, на всю Кадашевскую и Талмацкую
слободу и на все Зарѣчье, что онѣ воровствомъ никакимъ не
промышляютъ, живутъ за Москвою рѣкою въ Талмацкой сло-
бодѣ и корчмы и винныя продажи у нихъ нѣтъ, а кормятца
своею прямою работою, прядутъ, покупаючи, ленъ и дѣлаютъ
полотна и берутъ убрусы, да что продадутъ, тѣмъ онѣ и пи-
таются; то всѣмъ ихъ сосѣдямъ извѣстно. А что ихъ постель-
ницы называютъ ворухами (въ извѣстномъ смыслѣ) и онѣ,
одна послѣ своего мужа вдовствуетъ сорокъ лѣтъ, а другая
тридцать лѣтъ и имъ воровствомъ никакимъ промышлять не
пригоже. Да учили вдовы бити челомъ словесно: называютъ
ихъ постельницы ворухами, а та Домна, Любина дочь, сама
прямая воруха; какъ она была за первымъ мужемъ и она и
тогда отъ мужа своего воровала съ Пашковыми и лежала послѣ
того въ зельѣ, а лечилъ еѣ зелейнаго ряду торговоѣ человѣкъ.
называютъ его Короткимъ, а взялъ онъ за лечбу 3 р., и какъ

Домница излечилась и ея мать Люба промыслила тою своею дочерью въ постельницы.

Полонянка извѣтчица доводила также и на сына Любина Ивана, какъ онъ билъ однажды свою жену, сказывая, что во-руеть въ Верху съ верховыми людьми и когда она полонянка вступилась за нее, стала просить, чтобъ пощадилъ для ради государыни царицы, онъ Иванъ за то выбранилъ ее и съ царицею. Иванъ, конечно, отрекался отъ этого, говорилъ, что такихъ словъ не говаривалъ и жены своей не бивалъ. Полонянка уличаючи его, указала на свидѣтелей, которые сказали, что видѣли они и слышали, какъ Ивашка, встрѣтись съ полонянкою Окулькою на дорогѣ, ей рукою махалъ и грозилъ: уходишься де ты, что на насъ доводишь; и въ Верху, пришедъ на лѣстницу къ роспросу, также грозилъ ей, чтобъ она на нихъ не доводила. Ивашко въ томъ во всемъ запирался. А полонянка, постоявъ немного, еще сказала, что она отъ постельницы Домны про царицу и не однѣ непригожія рѣчи слышала: сказывала ей Домна, что государыня царица Евдогья Лук. гдѣ найдетъ людскіе волосы и она, государыня, съ тѣмъ волосьемъ сучить свѣчки да ихъ жжетъ, а сказываетъ, что будто еѣ портятъ постельницы. И толькобъ она Акулина отъ Домны такихъ словъ не слыхала, и ей того затѣять не умѣть. Домна въ томъ во всемъ запиралась.

На другой день, 11 авг., по государеву указу судьи ѣздили къ пыткѣ. Тамъ послѣ очной ставки подсудимыя опять звали другъ друга на пытку. Сначала попытали слегка одну изъ вдовъ, которая подтвердила только прежнія свои рѣчи. Но постельница Домна съ пытки повичилась во всемъ, и сказала, что про государскій чинъ, что въ немъ живутъ недобрія жены постельницы, и что она нарядитъ курицу и пр. говорила. А про царицу говорила ли не пригожія рѣчи, того не упомянуть; въ тѣ поры поразилъ ее о землю недугъ и повалясь, лежала безгласна. Тутъ же, стоя у пытки, палачъ Васька подтвердилъ, что ту постельницу знаетъ и на ней та падучая болѣзнь давно. Спросили ея мать, которая, вѣроятно, не зная въ чемъ дѣло, начала было отрекаться, что падучей болѣзни на дочери не бывало, развѣ что учинилась надъ нею теперь. Палачъ доказывалъ, что мать лжетъ, что на Домнѣ давно падучая болѣзнь, какъ была она на одной свадьбѣ въ свахахъ и тогда та падучая болѣзнь на ней была. Мать по-

томъ учала въ рѣчи мяться. Судьи велѣли ее разболочь и хотѣли пытать. Тогда она сказала правду, что болѣзнь была. Ея сынъ Ивашка въ своемъ непригожемъ словѣ про царицу былъ пытанъ накрѣпко; но съ пытки не винился, а сказалъ, когда билъ жену и въ тѣ поры былъ пьянъ, что говорилъ, того не упомянуть. Половянка подтвердила его показаніе, что былъ пьянъ. На томъ розыскъ и остановился.

Черезъ нѣсколько времени, 15 сент. государь велѣлъ постельницу Любу съ дочерью и царицыныхъ дѣтей боярскихъ, ея сына и зятя, изъ царицына чину отставить, и изъ царицыной слободы, изъ Кисловки, выслать.

Похвальба царицынымъ жалованнымъ челобитьемъ.

1651 г. ноября въ 6 день извѣщалъ государю Петръ Семеновъ сынъ Хомяковъ на сокольника на Тимошку Григорова, а сказалъ: въ прошломъ въ 159-мъ году въ Коломенскомъ селѣ на Потѣшномъ дворѣ въ хоромехъ, передъ оспожиными говѣйны, говорилъ ему Петру сокольникъ Тимошка Григоровъ, одинъ на одинъ съ нимъ Петромъ: до брата де моего до Левонтья Григорова государская милость, а крестьянинъ де ихъ похваляетца, ходячи по пирамъ: государыня де царица, жалуючи мать Левонтьеву, прислала челобитье съ человѣкомъ ихъ съ Трошкой; а какъ того крестьянина зовутъ, который такіе рѣчи говорилъ и онъ Тимошка тому крестьянину имя сказалъ, а онъ Петръ имя того крестьянина забылъ. Да онъ же сказывалъ ему Петру: намъ де къ родителямъ своимъ и выѣхать нельзя; говорятъ намъ, по дѣломъ де вы дураки, что васъ государь не жалуетъ, какъ милость государская къ Левонтью и государыни царицы къ матери его; царица де государыня къ матери Левонтьевѣ жаловала, приказывала челобитье.

И того же числа сокольникъ Тимошка Григоровъ роспрашиванъ. А въ роспросѣ сказалъ, что онъ такихъ рѣчей Петру Хомякову не говаривалъ, такіе де рѣчи Петръ Хомяковъ на него Тимошку затѣялъ. А на очной ставкѣ Петръ Хомяковъ говорилъ на него Тимошку прежніе рѣчи, что онъ въ роспросѣ говорилъ. А Тимошка на очной ставкѣ заперся, а сказалъ, что онъ Петру такихъ рѣчей не говаривалъ. Да Тимошка жъ говорилъ: за што де онъ Петръ на него Тимошку въ ту пору

не извѣщалъ, какъ будто я ему сказывалъ, и то де знатно, что онъ Петръ на меня затѣлъ. И Петръ Хомяковъ сказалъ: не извѣщалъ государю на него въ ту пору потому, поблюлся де Левонтья, а къ Левонтью въ ту пору была государская милость, чего бъ де онъ Левонтей на него Петра государю не сказалъ; а на него Петра государь въ ту пору былъ кручиновать. Да онъ же Петръ сказалъ: извѣщалъ онъ Петръ государю, что кречетъ не кормленъ; и Левка его Петра излаелъ: кто де тебя спрашивалъ извѣщать государю; а какъ его Петра въ ту пору Левка лаелъ, и то слышалъ Митрошка сокольникъ.

И Тимошка Григоровъ у пытки въ роспросѣ сперва говорилъ прежніе свои рѣчи, а постоявъ, винился: виновать де я передъ государемъ, Петру Хомякову такіе рѣчи говорилъ, что государыня царица Левонтьеву мать о здоровьѣ спросить велѣла; а сказывалъ ему такіе рѣчи дьячокъ Григорья Богослова коломенскова уѣзду села Восцы на рѣчкѣ Селижаркѣ Васка Артемьевъ. А онъ дьячокъ слышалъ отъ крестьянина деревни Алешкова, у Давыдки, а прозвище Волкъ, да отъ жонки тое жъ деревни отъ вдовы отъ Дуньки: государыня де царица боярыню нашу жалуетъ, челобитье приказываетъ, человекъ де нашъ Трошка Максимовъ шолъ дворцомъ и государыня де царица увидѣла мово человекъ и велѣла спросить съ Верху боярынь: живаль де его боярыня, скажи де ей челобитье.

Декабря 13 по государеву указу посланъ стольникъ Алексѣй Мусинъ Пушкинъ для роспросу въ Коломенской уѣздъ въ село Восцы для церковнаго дьячка и для Даниловыхъ крестьянъ Григорова. — По прїѣздѣ на мѣсто декабря 18 стольникъ тотчасъ послалъ сотника Андрея Ромейкова по дьячка Васку и по крестьянъ по Давыдку, прозвище Волка, да по вдову Дуньку Казаринову да по дворовова человекъ по Тришку Максимова. И того жъ числа сотникъ привезъ крестьянъ, а Васку дьячка въ томъ селѣ, гдѣ онъ живетъ, неиззѣхали, выбѣжалъ съ двора съ женою и съ дѣтьми. И стольникъ Алексѣй Мусинъ Пушкинъ крестьянъ роспрашивалъ. Давыдко прозвище Волкъ въ роспросѣ сказалъ, что онъ не знаетъ не вѣдаетъ. И къ пыткѣ Давыдко привожонъ и онъ ни въ чемъ не винился жъ. Вдова Дунька Казаринова дочь въ роспросѣ сказала: говорилъ де ей дворовый человекъ Тришка такіе рѣчи, что государь жалуетъ боярина нашего Левонтья и боярыню нашу жалуетъ же, приказываетъ государыня царица ей челобитье; а говорилъ онъ Трошка такіе

напився, у дьячка на дворѣ, у Васки Артемьева, ры были онъ у дьячка въ гостехъ въ прошломъ году въ родительскую субботу; а онъ дьячекъ тѣмъ ли или не слышелъ и она того Дунька не упомянула жъ въ допросѣ сказала: прїѣзжалъ съ Москвы человекъ Янька Григорьевъ до присылки за три дни, какъ ихъ рѣшили въ роспросу, съ вѣстью; а ночевалъ онъ одну ночь, а на утро поѣхалъ къ Москвѣ; а что въ грамоткѣ писано и она не вѣдаетъ. А какъ прїѣхалъ по нимъ сотникъ Андрей Ромейковъ и она въ ту пору Дунька сидѣла въ комнатѣ у боярыни своей, прядла пряжу и слышала она отъ женокъ, говорили онки въ хоромахъ: все де имъ дѣлаетца отъ своего жъ отъ Юшки Григорова, а которая жонга говорила такіе рѣчи и она того Дунька не упомнитъ, потому что въ ту пору испужалась отъ боярыни своей и отъ бояръ никакихъ рѣчей она не слыхала. Трошка Максимовъ въ роспросѣ ни въ чемъ не винился и на очной ставкѣ съ Дунькою ставленъ и къ Трошке и Дунькѣ и подыманъ и ни въ чемъ не винился. Дунька и Трошка снова спрашиваны. И постоявъ Трошка винился и говорилъ: прїѣхалъ де онъ Трошка съ Москвы въ прошломъ во 159-мъ году, а въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ, того не упомнитъ, и приходчи де онъ въ хоромы къ боярыни своей и боярыня его стала спрашивать: здороволь сынъ мой живетъ Левонтей, и по прѣжнемуль къ нему государева милость и приказывала ли мнѣ государыня царица челобитье? И онъ Трошка ей говорилъ: шоль де я дворцомъ мимо хоромъ государыни царицы и изъ хоромъ велѣла его государыня царица спросить боярыни: жива ль де твоя боярыня, скажи де ей отъ меня челобитье. А говорилъ онъ такіе рѣчи боярыни своей съ хмѣлю; а затѣлъ онъ такіе рѣчи самъ, а ни отъ кого онъ такихъ рѣчей не слыхалъ; какъ по него Трошку прїѣхалъ сотникъ Андрей Ромейковъ и боярыня ему говорила, чтобъ онъ ничего Трошка не сказывалъ; а вѣсть къ нему была ль съ Москвы или не была и онъ того не вѣдаетъ. Да Трошка жъ въ роспросѣ сказалъ, что прїѣзжалъ человекъ ихъ Янька Григорьевъ съ Москвы до присылки сотника за три дня, какъ ихъ взялъ сотникъ, а съ вѣстью онъ Янька прїѣзжалъ или не съ вѣстью, и онъ того не вѣдаетъ, а ночевалъ де онъ Янька одну ночь дома. — И того жъ числа сокольникъ Тимошка Григоровъ противъ вдовы Дунькиныхъ и Трошкиныхъ рѣчей спраши-

ванъ, что онъ вѣсть подавалъ ли или нѣтъ? И онъ Тимошка въ роспросѣ винился и говорилъ писалъ де онъ грамотку и написавъ послалъ ее съ стрѣльцомъ къ брату своему къ Василью Григорову, что говорилъ на дьячка и на Артемья Бирева и на Даниловыхъ крестьянъ Григорова, а котораго приказу стрѣлецъ послалъ грамотку и онъ того не упомянуть; а писалъ онъ Тимошка грамотку до пытки.

Чѣмъ окончилось дѣло, неизвѣстно.

Обманъ въ свадьбѣ царицынымъ жалованнымъ словомъ.

1653 г. государынѣ благовѣрной царицѣ и в. к. Марьѣ Ильичнѣ всеа Русіи бьетъ челомъ изъ Вознесенскаго монастыря богомолица твоя старица Ефросинья, твоего, государыня, царицына двору на Ивана Девулю да Вознесенскаго монастыря на бѣлицу на вдову Овдотью, что живетъ у старицы у Екатерины Солоховой. Жила у меня, богомолицы твоей, въ кельѣ сиротка, дѣвочка Макринка, и въ нынѣшнемъ государыня во 162 году октября въ 11 день приходѣ ко мнѣ богомолицы твоей въ келью тотъ Иванъ Девуля и та вдова Овдотья, тоѣ моей дѣвки сватали за твоего государыня царицына крестоваго дьячка, а сказали мнѣ богомолицы твоей при старицѣ Маремьянѣ Красниковой да при вдовѣ протодьяконицѣ резанской при Овдотѣ твое, государыня, благовѣрной царицы и в. к. Марьи Ильичной всеа Русіи жалованное слово: по челобитью де твоего, государыня, царицына крестоваго дьячка тоѣ мою дѣвку за мужъ взять. А указала де ты, государыня, напередъ тоѣ моей дѣвки досмотритца, провести мимо тебя, государыню благовѣрную царицу, октября въ 13 день въ пятомъ часу дня; а ты де, государыня, благовѣрная царица будешь въ то время гулять въ Царя-Борисовой палатѣ; и та бы де моя дѣвка провести по улицѣ мимо тоѣ палату. И я богомолица твоя имъ отказывала, что у дѣвки замужъ мысли нѣтъ и не хочетъ, а се нага и боса, платье ничево нѣтъ. И онъ Иванъ сказалъ: платье де все пожалуетъ государыня благовѣрная царица и полотно съ Верху для ради своего крестоваго дьяка. И октября, государыня въ 13 день въ четвергъ въ четвертомъ часу дни пришли ко мнѣ въ келью тотъ Иванъ Девуля да съ нимъ же пришла, нарядясь, женщина, а сказала мнѣ и передъ игуменьей Александрой,

что она съ Верху отъ тебя государыни царицы ваплечново мастеровъ жена, а пришла де по тоѣ мою дѣвку къ смотрѣнью передъ тебя государыню, провести мимо Царя-Борисову палату, и принесли на дѣвку съ собою доброе платье; и я богомолица твоя обрадовался твоей, государыня, благовѣрной царицы и в. к. Марьи Ильичной всеа Русіи жалованью и призрѣнью къ убогой сиротѣ, тоѣ свою дѣвку, не познавъ ихъ лукавства и обману, нарядивъ, къ смотрѣнью отпустила съ ними. И они, государыня, не води тоѣ моей дѣвки мимо Царя-Борисову палату, отвели въ церковь Козмы и Домьяна, что у святыхъ Вознесенскихъ заднихъ воротъ, и изготова новобрашново и обвинчали, а обвинчавъ и отвели къ тому Ивану Девуль во дворъ, а не за твоего государыня, крестоваго дьячка, взяли и выдали; а я богомолица твоя про то послѣ свѣдала. И тотъ, государыня, новобрашной бродящей, за ково выдана, невѣдомой и незнаемой намъ какой человекъ. А женился, государыня, нынѣ онъ и жить съ нею не хочетъ, посажена у Девули вага и боса, помираетъ голодною смертию и велить ей мужъ постритца. И то, государыня, они учинили, Иванъ Девуля и та вдова Овдотья и съ приходящею женщиною, умысли великою воровскою статьею, оманули твоимъ государыня, благовѣрной царицы жалованнымъ словомъ; тоѣ дѣвку у меня, будто передъ тебя государыню къ смотрѣнью за крестоваго дьячка, выманили и замужъ выдали безвѣстно, одночасемъ. А мы, государыня, тово новобрашново до тѣхъ мѣстъ и въ тѣ поры ни знали, ни вѣдали и въ рожее его не видали. А тѣ, государыня, Иванъ Девуля и вдова Овдотья, сватая тоѣ дѣвки за твоего государыня царицына крестоваго дьячка, сказывали, что тотъ дьячокъ домомъ и прожитками человекъ полной и у тебя де государыни пожалованъ. Милосердая государыня благовѣрная царица и великая княгиня Марья Ильична всеа Русіи, пожалуй меня, богомолицу свою и тоѣ бѣдную сироту, вели государыня противу сеѣ моей челобитной про то воровство, про оманъ Иванъ Девуля и вдовы Овдотья и приходящей женщины съ платьемъ сыскать и свой, государыня, царской указъ учинить. Государыня благовѣрная царица смилуйся пожалуй!

И противъ сеѣ челобитной отставленной сторожъ Ивашка Девуля роспрашиванъ, а въ роспросѣ сказалъ: въ нынѣшнемъ де во 162 году октября въ 11 день Вознесенскаго монастыря къ старецъ Офросинъ въ келью не прихаживалъ и дѣвки еѣ Ма-

критки государыни царицы за крестоваго дьяка не сватывалъ, и такихъ рѣчей ей Офросиньѣ не говаривалъ, что тое дѣвки напередъ посмотреть и провести тое дѣвку мимо Царя-Борисовской палаты, а государыни царица будетъ въ тѣ поры въ тѣхъ палатахъ; а въ тѣхъ де числѣхъ, которые писаны въ челобитной, приходилъ онъ Ивашка въ Вознесенской монастырь къ келарю, къ старицѣ, а какъ зовутъ, того онъ не упомнить, и ей говорилъ, чтобъ она у себя въ монастырѣ поискала дѣвки, котораябъ была лѣтна, хотя и увѣчна и нага и боса, а жениха де ты сама знаешь, что зовутъ Фроломъ Мининъ, малоумень; и келарь де ему Ивашку сказала, что она про него припамятовала, каковъ онъ, а невѣсты хотѣла поискать; а ему Ивашку велѣла у себя побывать инымъ временемъ. И онъ Ивашка отъ того келаря пошолъ къ себѣ домовъ и тутъ же де на монастырѣ попалась ему Ивашку на встрѣчу вдова Дунка Осипова дочь, что живетъ тогожъ монастыря у старицы у Катерины Солоховы; и онъ де Ивашка еѣ Дунки спрошалъ томужъ Фролу про невѣсту; и она де Дунка ему Ивашку сказала про дѣвку Сухоруку, которая живетъ тогожъ монастыря у старицы у княжны Александры Голицыны и онъ де Ивашка пришелъ къ той старицѣ къ подклѣту и та дѣвка вышла къ нему изъ подклѣта сама и ему Ивашку отказала, что она замужъ нехочетъ, а хочетъ постритца; и онъ де Ивашка отшедши отъ той кельи и сталъ съ тоюжъ вдовою Дункою, и старица де Офросинья шла мимо ихъ и Дунка де учала ей Офросиньѣ говорить: у тебя де есть дѣвка сиротинка, а Ивашка де спрашиваетъ невѣсты. И та де старица Офросинья учала его Ивашка спрашивать, за коково де ты человекъ сватаешь? и онъ де Ивашка сталъ ей про Фрола рассказывать, что онъ Фролъ человекъ уродивой; и та де старица послала тоѣ вдову Дунку къ нему Ивашку на дворъ того Фрола смотрѣть и смотрѣвъ она Дунка его Фрола, пришли съ нимъ Ивашкомъ къ той старицѣ Офросиньѣ въ келью, и съ тою старицею онъ Ивашка за того Фрола тоѣ дѣвку и по рукамъ ударили; а повѣрила де она Офросинья слову вдовы Дунки; и на завтрее де того сватанья пришолъ онъ Ивашка къ той старицѣ Офросиньѣ по невѣсту съ отцомъ его Хроловымъ духовнымъ, а какъ того попа зовутъ, того онъ не вѣдаетъ; а служить де онъ у Кузмы Демьяна, что у Чудова монастыря у святыхъ воротъ; да съ свахою портного мастера съ Ларкиною женою. И взявъ тоѣ дѣвку, со Фроломъ

вѣнчали въ церквѣ Кузмы Демьяна. А противъ челобитной такихъ рѣчей онъ Ивашка неговаривалъ и жонкѣ Дашкѣ наплечного мастера женою называтца онъ Ивашка не веливалъ.

А жонка Дунка въ роспросѣ сказала: въ нынѣшнемъ де во 162 году, а въ которомъ числѣ, того она неупомнитъ, приходилъ де къ нимъ въ монастырь Ивашка Деуля и спрашивалъ еѣ Дунки, гдѣ она живетъ? и ему де Ивашку сказали, что живетъ она у старицы Александры Мещениковы; и онъ де Ивашка къ той кельѣ пришолъ; и она де Дунка къ нему Ивашку вышла, и онъ Ивашка учалъ еѣ спрашивать про невѣсту, дѣвку сиротинку лѣтъ въ сорокъ, а у него де Ивашка женихъ есть лѣтъ въ сорокъ же, Фроломъ зовутъ Мяннѣ. И она Дунка сказала ему Ивашку про невѣсту дѣвку Макритку, что живетъ у старицы Офросиньи, а та де старица Офросинья невѣдомо откуль пришла къ нимъ тутъ же, и она Дунка учала еѣ Офросинѣ говорить, чтобъ она тоѣ дѣвку за Фрола выдала замужъ. И та де старица послала къ нему Ивашку на дворъ того Фрола смотрѣть; и она де Дунка у него Ивашка на дворѣ была и Фрола смотрѣла и про него той старицѣ Офросинѣ сказала; и старица де съ тѣмъ Ивашкомъ, за того Фрола замужъ тоѣ дѣвку и по рукамъ ударила; а она Дунка за тоѣ дѣвку замужъ по рукамъ ни съ кѣмъ небывала. И на завтрее того дни была у нихъ свадьба. А что де въ челобитной старицы Офросиньи написано, того она ничево отъ Ивашка и отъ жонки Дашки такихъ рѣчей неслыхала и какъ она называлась наплечного мастера женою.

А жонка Дашка Сидорова дочь въ роспросѣ сказала: портного мастера Ларкина жена Григорьева; была де она Дашка по челобитью Фрола Мяннина у него Фрола на свадьбѣ въ свахахъ и ходила въ Вознесенской монастырь къ невѣстѣ его Фроловѣ съ платьемъ свадебнымъ; а были де съ нею въ монастырѣ Ивашка Деуля да мужъ еѣ Ларка; а какъ де она пришла въ монастырь и еѣ де спрошала Вознесенскаго монастыря игуменья, чья де ты жена? и она де Дашка игуменѣ сказала, что она гулящева человекѣ Ларкина жена, портного мастера, а наплечного мастера женою она Дашка сама не называлась и никто еѣ не научивалъ.

Челобитиѣ на поругательницу жену.

1670 г. въ декабрѣ царицы Марьи Ильичны чину сынъ боярской Никифоръ Скорятинъ билъ челомъ на жену свою Пелагею, а въ челобитной его написано: жалоба, государь, мнѣ на поругательницу на жену свою Пелагею: во 176 г. кусала она, жена моя, тѣло мое на плечахъ зубомъ, и щипками на рукахъ тѣло мое щипала и бороду драла; и я холопъ твой билъ челомъ тебѣ, в. государю, въ Приказѣ Мастерскіе Палаты и подалъ челобитную околы. Васил. Мих. Еропкину. И противъ моего челобитья меня холопа твоего дьякъ Иванъ Взимговъ въ Приказѣ Маст. Пал. поругательство жены моей и зубнаго яденья на тѣлѣ моемъ досматривалъ, и въ томъ еѣ поругательствѣ женѣ никакого указа не учинено. И въ 178 г. она жена моя Пелагея, хотя меня холопа твоего топоромъ срубить, и я отъ еѣ топороваго сѣченья руками укрывался и посѣкла у меня правую руку по запястью и я отъ того еѣ топороваго посѣченія съ дворишка своего чуть живъ ушелъ и билъ челомъ въ Приказѣ Маст. Пал. стольнику Ѳедору Пракоѣев. Соковнину; и стольн. Ѳ. П. Соковнинъ приказалъ посѣченную мою руку записать; и отъ той посѣченной моей руки я во вѣки увѣченъ. Да и впредь она жена моя хвалитца на меня всякимъ дурнымъ смертоубивствомъ и по твоему государеву указу посажена она поругательница жена мой за приставы; и она, сидя за приставы, хвалитца на меня и нынѣ всякимъ дурномъ смертнымъ убивствомъ. Милосердый государь! пожалуй меня, вели въ такомъ поругательствѣ и въ похвальбѣ еѣ женѣ моей свой царской указъ учинить и меня съ нею развестъ, чтобъ мнѣ отъ неѣ жены своей впредь напрасною смертию не умереть. *Помѣта:* 179 дек. 19 велѣтъ противъ челобитья на патріарховъ дворъ послать память и съ памятью отослать Микифора Скорятина и съ женою его съ Полагеею. (Посланы съ указомъ: учинить по правиломъ св. апостолъ и св. отецъ, чего доведетца).

Дѣло комнатной бабки, укравшей горсть соли.

1671 г. августа въ 13 день по указу (в. государя царя) и в. в. Алексѣя Мих. (титулъ) государыни царицы и в. в. Наталіи Кириловны *комнатная бабка* Марѣя Тимоѣева роспра-

шивана накрѣпко, а сказала: въ нынѣшнемъ де во 179 г. августа 11 дня, пришла она къ мыленкѣ государыни царицы, и передъ мыленкою де ходила и стряпала дохтуръ Литовка, и принесла передъ мыленкою на серебряномъ блюдѣ грибы, и поставила на томъ же серебряномъ блюдѣ. А ей-де Марѣв до того времени грибовъ печоныхъ велми хотѣлось ѣсть. И она де украдала передъ мыленкою въ сѣняхъ изъ стола соли изъ сквородки, изъ которой про государыню царицу въ кушанье вынимаетъ дохтуръ. И она де, изъ той соли взяла въ горсть тайно... къ грибамъ и хотѣла съ того серебряного блюда, которые принесены въ стряпню про государыню царицу, украсть грибъ и тою краденою солью тотъ краденый грибъ осолить и испечь тутъ же въ печи, гдѣ стряпають кушанье про государыню царицу. И въ то де время увидѣла дохтуриха, что она соль украдала, стала ея въ сѣняхъ спрашивать, что у ней въ горсти? и она де Марѣа сказала ей, дохтурихѣ, что у ней въ горсти ничего нѣтъ. И отъ той дохтурихи пошла въ мыленку для того, чтобъ ей соль высыпать на землю, чтобъ ея не увидѣли. И какъ де она вошла въ мыленку и увидѣла, что въ мыленкѣ сидитъ Анна Леонтьевна, испужалась ея, и тоя соль подлѣ ушата въ мыленкѣ у дверей изъ руки высыпала на землю. А въ то-де время варили шти про государыню царицу. И высыпавъ соль, пошла тотчасъ назадъ изъ мыленки, и дохтуриха де ея спросила, что она носила въ мыленку? И она сказала, что ничего не носила. И пошла отъ мыленки къ портомойнѣ. И у портомойни де варила грибы государыни царевны и в. к. Евдокѣи Алексѣевны комнатная жъ Офросинья. И она де, Марѣа, взяла грибъ и испекши съѣла, для того, что ей безмѣрно хотѣлось въ то время грибовъ ѣсть. И послѣ де того, на другой день въ субботу въ обѣдъ, пришли въ казенную Матрена Блохина и Марина Кишкина. И сказала ей, Марѣв, Марина, что де про ея Марѣино дѣло государынѣ царицѣ извѣстно. И она де учала бить челомъ Матренѣ Блохинѣ, чтобъ ея заступила. И Матрена де на нея закричала и велѣла ей Марѣв, ѣхать къ Москвѣ. И она де и поѣхала.

А нынѣшнего де августа 13 числа была она у обѣдни у себя въ приходѣ, въ Хамовникахъ у церкви Николая Чудотворца. и идучи де отъ обѣдни, сошлась съ сосѣдкою своею государыни царевны и в. к. Софіи Алексѣевны съ постельницею съ Марѣою Кузминой и говорила ей со слезами, что она безъ хитрости

впала въ бѣду. И Марѳа де спрашивала ея, въ какую бѣду? И она де ей рассказала, какъ она соль украла и какъ хотѣла грибокъ украсть и испулався Анны Леонтьевны, тоѣ соль высыпала на землю въ мыленкѣ подлѣ кади и чтобъ она, Марѳа, гдѣ ей мочно заступила. И Марѳа де ей сказала, чтобъ она уповала на Бога и на ихъ государскую милость, и на безхитростныя вины ихъ государское милостивое разсмотрѣне. И пошла де она, Марѳа, къ себѣ на дворъ, потому что она живетъ въ Хамовной слободѣ, и мужъ у ней былъ тоѣ слободы тяглецъ, а сынъ и нынѣ живетъ въ той слободѣ, а торгуетъ въ серебряномъ ряду. А родомъ де отецъ ея былъ сынъ боярской Карташовыхъ, а котораго городу того не упомянуть. А сестра ей родная въ Верху у государыни Царицы въ портомояхъ, а мужъ у ней былъ стрѣтенскія сотни тяглецъ, Гришкою звали. А иныхъ никого въ Верховомъ чину и въ государевѣ дворѣ сродниковъ у ней нѣтъ.

Да она жъ сказала, что хотѣла она бить челомъ в. государю, чтобъ в. государь пожаловалъ велѣлъ ея отпустить въ монастырь, что она въ разумѣ проста, а *нынѣ де стало не попрежнему жестоко*, никто де ни о чемъ доложить не смѣетъ, развѣ де одна Матрена Блохина доложить о какомъ дѣлѣ доведетца. А она де Марѳа никуда въ дома не вхожа и въ деревняхъ у ней никого нигдѣ сродниковъ нѣтъ. А что де она соли украла и грибокъ хотѣла украсть, и какъ ея спрашивали, что она въ горсти несетъ и она запиралась, и то де все учинила она безъ хитрости, для того, что де ей и напередъ сего грибы дохтуриха даывала, и она де въ мыленкѣ пекала. А она де Марѳа, про государыню царицу дѣлаетъ всегда кислые шти, а хитрости никакія за нею нѣтъ и не было, работаетъ имъ, государемъ, лѣтъ съ тринадцать.

И для подлиннаго розыску допрашивана государыни царевны и в. к. Софіи Алексѣевны постельница Марѳа Кузмина, что ей нынѣшняго числа говорила бабка Марѳа? И постельница Марѳа сказала противъ роспросу комнатныя бабки Марѳы: а родомъ она сказала Вяземка, посадкаго человекъ жена и *родители* всѣ у ней и нынѣ въ Вязмѣ на посадѣ, а иныхъ никого *родителей* нигдѣ нѣтъ.

И бабка Марѳа подымана на дыбу и висѣла, а сказала прежнія свои рѣчи. Она жъ и къ огню приношена и всячески стращена, а говорила тожъ, что и въ роспросѣ сказала. И послѣ

роспросу Марѣа Кузмина свобожена, а Марѣа Тимоѣева посажена на Житномъ дворѣ въ приказной избѣ за караулъ ¹.

Царицны дѣти боярскіе въ провожатыхъ за боярынею.

1673 г. апрѣля 10, въ Приказѣ мастерскія палаты, по случаю внезапной смерти одного изъ царицныхъ дѣтей боярскихъ, слѣдовавшихъ въ проводахъ за боярынею, произведенъ былъ распросъ, отчего ему смерть приключилась? Тогда царицына чину сынъ боярскій Иванъ Тавлеевъ въ роспросѣ сказалъ: апрѣля въ 6 день ходили они, дѣти боярскіе, восемь человекъ съ дворца на дворъ къ окольному къ Ивану Михайловичу Милославскому, провожали боярыню Оксинью Мертваго да дѣвку боярычню; а дѣтей боярскихъ было: Иванъ Кутузовъ, Илья Парской, Истома Брянцовъ, Иванъ Левашовъ, Григорій Мелеховъ, Яковъ Степановъ да умершій — Ѳедоръ Аменевъ. И тотъ Ѳедоръ съ дворца шелъ за колымагою пьянъ, да и у Ивана Михайловича пилъ вино двойное, и пиво и медъ. И съ двора окольного Ив. Мих. Милославскаго за тою колымагою пошли всѣ; а какъ онъ Ѳедоръ отъ колымаги отсталъ и кто его билъ ли и какъ ему смерть случилась, того Иванъ Тавлеевъ не вѣдаетъ, потому что всѣ дѣти боярскіе были пьяни. — Иванъ Кутузовъ сказалъ тѣжъ рѣчи, Истома Брянцевъ сказалъ тѣжъ рѣчи, Яковъ Степановъ сказалъ тѣжъ рѣчи. А въ томъ де они всѣ шлютца на боярыню Оксинью Мертваго и на дѣвку боярычню и на постельницъ, которыя за боярынею были, какъ они съ двора окольн. И. М. Милославскаго подлѣ той колымаги шли до самаго дворца, а отъ колымаги ни на часъ не отставывали и ни съ кѣмъ не бранивались. А пріѣхала де та боярыня на дворецъ и они за нею пришли въ четвертомъ часу ночи и проводя боярыню, пошли всѣ семь человекъ въ Кисловку вмѣстѣ, а про него Ѳедора чаели, что онъ отставъ, пошолъ домовъ. Послѣ того осматривали умершаго сына боярскаго Ѳедора Аменина, а по осмотру половина лба и носъ весь замерло багрово и на спинѣ да на лѣвомъ локтѣ багрово жъ.

¹ За сообщеніе въ спискѣ этого любопытнаго акта приносимъ искреннюю благодарность П. П. Пекарскому.

Царевнина карлица въ гостяхъ.

1677 г. генв. 7, царицы Наталіи Кириловны сѣнной сторожъ Ѳедка Степановъ, прозвище Бородавка, про прїѣздъ къ нему въ домъ карлицы дѣвки Овдотьи и про скорую смерть еѣ распрашиванъ, отчего ей та скорая смерть учинилась; а въ роспросѣ сказалъ: царевны Екатерины Ал. карлица дѣвка Овдотья прїѣхала къ нему въ полчаса ночи, да съ неюжъ прїѣхали Володимерова приказу Воробина стрѣлецъ Андрюшка Левонтьевъ да сестра еѣ родная Огашка, тогожъ прїказу стрѣльца Васкина жена Рожи, а его де Ѳедки въ то время дома не было, а была въ то время дома жена его Окулка; а какъ онъ пришолъ домой въ часъ ночи и она карлица Овдотья съ женою его Окулкою были въ то время въ вышкѣ и изъ вышки сошли съ нимъ Ѳедкою въ избу, и ояъ имъ поднесъ вина по достоканцу троецкому и ужинали вмѣстѣ, и поужинавъ легли спать часу въ девятомъ ночи; и проснулись они часу въ десятомъ ночи и увидѣли они тоѣ карлицу: лежитъ лицомъ къ подушкѣ мертва, а отъ чего ей та смерть случилась, того онъ не вѣдаетъ; а прежде сего въ гостяхъ она и сестра еѣ у него не бывали, а прїѣхали они къ нему впервые; да у него жъ былъ въ гостяхъ и ночевалъ стрѣтенскіи сотни тяглець Ефремко Оеонасьевъ, по знакомству. — Ѳедкина жена въ роспросѣ сказала: прїѣхала къ нимъ карлица дѣвка Овдотья за полчаса до ночи, да съ нею же прїѣхала сестра еѣ родная Огашка да стрѣлецъ Андрюшка Левонтьевъ; а прїѣхали къ нимъ они пѣяни; а сказала она карлица, что была она у сестры своей родной Огашки; а мужа еѣ Окулкина въ то время дома не было, а гдѣ онъ былъ, того она не вѣдаетъ. И она имъ поднесла по достоканцу троецкому вина, а въ достоканецъ будетъ чарки двѣ или три, и послѣ того водила она Окулка еѣ карлицу изъ избы въ вышку одноѣ и тамъ ей поднесла тотъ же достоканецъ вина жъ; а мужъ еѣ пришолъ домой часы въ отдачи и ужинали вмѣстѣ, а за ужиномъ поднесли имъ по дваждъ достоканца; и отуживавъ стала она карлица говорить, чтобъ ей дали мѣсто, гдѣ ей спать. И они положили подушку на лавку и она тутъ и легла спать въ часъ ночи; а они сидѣли часу до пятого ночи и хотѣли еѣ разбудить, чтобы она съ ними жъ сидѣла и стали еѣ будить, и она де лежитъ мертва, лицомъ къ подушкѣ; а тоскованья у неѣ

чья голова не видала; только у мертвой усмотрѣла, что
 рта у ней шла пѣна. — Стрѣтенскіе сотни тяглець Ефремко
 Мнасьевъ въ роспросѣ сказалъ: былъ онъ въ гостяхъ у Ѳедки
 Одавки и къ нему пришелъ стрѣлецъ Андрюшка Левонтьевъ
 и сказалъ ему Ѳедкѣ, что будетъ къ нему въ гости карлица; и
 Ѳедка ходилъ для той карлицы покупать вина. И безъ
 Ѳедки та карлица къ нему пріѣхала да съ нею сестра еѣ
 Аншка да стрѣлецъ Андрюшка Левонтьевъ; а была де въ то
 время дома жена его Ѳедкина Окулка; и поднесла имъ вина по
 достоканцу троецкому; а у Окулки въ то время было подпито;
 пошптала ей карлицѣ она Окулка на ухо и пошли изъ избы
 и помѣшкавъ пришли опять въ избу; и Ѳедка въ то время
 поелъ съ ними жъ въ избу вмѣстѣ и сѣли ужинать; и та
 Аншка ужинала и за ужиномъ пила вино тѣмъ же достокан-
 цемъ и послѣ ужина легла она карлица спать и они всѣ по-
 ли спать же. И часу въ пятомъ ночи стали еѣ будить и она
 лица мертва и лежитъ лицомъ къ подушкѣ и лицо у ней по-
 бело. — Володимерова приказу Воробина стрѣлецъ Андрюшка
 Левонтьевъ въ роспросѣ сказалъ: карлицы Овдотьяна сестра
 Аншка Огашка живетъ у отца его у Левки на дворѣ. И генваря
 11 день въ понедѣльникъ пріѣхала къ ней Огашкѣ сестра еѣ
 карлица Овдотья и жила у нихъ генваря до 6 числа, а генваря
 въ 6-мъ числѣ за два часа до вечера поѣхала отъ нихъ та кар-
 лица съ сестрою своею Огашкою да съ нимъ Андрюшкою, не пивъ
 ни чего и не ѣтчи, и пріѣхала къ Ѳедкѣ Бородавкѣ въ гости; а
 какъ она пріѣхали и Ѳедки въ то время дома не было, а была
 жена его Окулка, и знать, что у неѣ было подпито; и поднесла
 имъ по достоканцу вина и поднесши имъ вина по достоканцу и
 пошптала ей карлицѣ въ ухо, и карлица ей Окулкѣ говорила,
 что де мнѣ съ тобою дѣлать? и она Окулка ей сказала: что де за-
 ставятъ, то и дѣлай! и взяла еѣ въ вышку и были въ вышкѣ
 съ четъ часа; и въ то время Ѳедка Бородавка пришелъ домой и
 прошелъ къ нимъ же въ вышку и бывъ у нихъ Ѳедка сошелъ
 въ избу; послѣ того вскорѣ и она Окулка и карлица сошли въ
 избу жъ и въ избѣ сѣли на лавкѣ; и въ то время подносили имъ
 пасынокъ его Ѳедкинъ и жена его Окулка и онъ Ѳедка по до-
 стаканцу вина; и она карлица выпила у нихъ только одинъ до-
 стаканецъ, а дву достоканцевъ не пила, а говорила: полно де
 пить вина и такъ де тошно; и объявилось, что хмѣль еѣ сталъ
 изнимать и сталъ языкъ мѣшатца; и сѣли они ужинать вмѣстѣ,

а какъ поставили студенъ и она взяла кусокъ мяса и не донесла до рта, уронила и стала сидѣчи дремать и дремавъ храпѣла и слины у ней изо рта текли; и подлѣ еѣ положили подушку и она на тоѣ подушку повалилась безпамятно ничь; и лежавъ храпѣла, а послѣ вкала; а лежала она съ четъ часа и стали еѣ будить, чтобъ она вставъ съ ними сидѣла, а она лежитъ мертва; а какъ еѣ подняли и у ней лицо да правая рука поси- нѣло, а животъ взнесло высоко. Карлицына сестра Огашка въ роспросѣ сказала тѣжъ рѣчи, что и Андрюшка, толко въ рѣ- чахъ своихъ убавила, какъ де еѣ карлицѣ положили на лавку подушку и она карлица на тоѣ подушку не сама повалилась безпамятно, а положила еѣ карлицу на тоѣ подушку она Огашка.

1686 г. іюля противъ 28 числа въ церкви Пресв. Богородицы Похвалы у всенощнаго пропала церковная чарка серебряная съ житіемъ Іосифа Прекраснаго. 31 іюля указано крестовыхъ дьяковъ и псаломщиковъ и пономарей, которые тогда были на всенощной, роспросить подлинно. Указъ о томъ былъ изъ хоромъ царевны Екатерины Алексѣевны. Одни сказали, что въ церкви были, но въ алтарь не входили и чарки не видали. Псаломщикъ Мих. Далматовъ сказалъ: у всенощнаго въ церквѣ онъ былъ, стоялъ на крылосѣ и во всенощное пѣніе изъ трапезы къ крылосу вынесла дѣвица Ирина щипцы мѣдныя, а велѣла вычистить пономарю, и онъ Михайло взявъ тѣ щипцы и вшедъ въ олтарь, спросилъ пономаря и въ олтарь де въ то время пономаря не было: и онъ вышедъ изъ олтаря тѣ щипцы сукномъ, которое прибито въ придѣлѣ Алексѣя Человѣка Божія, вычистилъ и вычистя, отдалъ той же дѣвицѣ Иринѣ; а чарки изъ олтаря онъ неимывалъ. Псаломщикъ Петръ Борисовъ сказалъ, что онъ у всенощнаго былъ на лѣвомъ крылосѣ и въ вечернее пѣніе пришла къ крылосу старица Аеонасыя Потемкина и велѣла ему послать пономаря Семена по священника по Деметіана и онъ Петръ того пономаря послалъ, а чарки изъ олтаря неимывалъ. Пономарь Ив. Артемьевъ сказалъ: у всенощнаго пѣнія въ церквѣ былъ онъ въ олтарѣ съ товарищемъ своимъ съ пономаремъ же съ Семеномъ Тимоѣевымъ, а седмица де по очереди была его Иванова: а пропавшая серебря., чарка стояла въ придѣлѣ Алексѣя Чел. Божія на горнемъ мѣстѣ.

Сем. Тимоѣевъ сазалъ: пришелъ онъ ко всеошному въ то время, какъ почали говорить на вечерни каѳизму, и пришедъ въ олтарь, чарки не видалъ. И тогожъ часа псаломщикъ Петръ Борисовъ послалъ его по священника по Дементіана и съ тѣмъ свящ. пришелъ онъ въ церковь на вечерни во время литіи; и на стиховѣи онъ Семень вышелъ изъ церкви и стоялъ на паперти и послѣ того вышелъ къ нему товарищъ его Иванъ въ каѳизму, какъ учали говорить, на утренне; и сидѣли на паперти до второй каѳизмы и пили кислые шти, и пошелъ съ товарищемъ благовѣстити и звонить и пришедъ въ церковь послѣ звону той чарки онъ не хватилса, а въ соборномъ олтарѣ въ то время были свящ. Дементіанъ да дьяковъ Борисъ; а какъ чарка пропала того онъ не вѣдаетъ; а хватилса онъ той чарки тогожъ числа передъ обѣднею, для изготовленья къ службѣ священнику воды; а кто чарку взялъ, того онъ не вѣдаетъ.

194 г. авг. 3 в. г. цари указали роспросить (ихъ всѣхъ) въ застѣнкѣ съ большимъ пристрастіемъ на крѣпко, чтобъ они сказали правду, кто изъ нихъ чарку изъ церкви взялъ. Авг. 4 крестовые дьяки и псаломщики и пономари въ Кадашевѣ на Хамовномъ дворѣ въ застѣнкѣ у пытки роспрашиваны съ большимъ пристрастіемъ накрѣпко и руки въ хомутъ кладены. Всѣ сказали прежнія свои рѣчи. Пономарь Ив. Артемьевъ прибавилъ: августа 2 приходилъ къ нимъ въ Истопничую палату попъ Василій, который служилъ у церкви Похвалы іюля въ 28, и говорилъ ему Ивану и всѣмъ имъ: „за то де вамъ, для чего мнѣ заслуженыхъ денегъ не дали. да я впредь де мнѣ заслуженные деньги платить станете“. И онъ Иванъ учалъ ему попу говорить, чтобъ онъ чарку серебр., которая пропала изъ церкви, отдалъ. И тотъ попъ замолчалъ и молвилъ, что де у него чарки никакой нѣтъ и изъ палаты отъ нихъ вышелъ вонъ.

194 г. августа 5 в. государи указали: которые сидѣли въ Кадашевѣ на большомъ Хамовномъ дворѣ въ пропадой церковной чаркѣ, — свободить. Указъ о томъ изъ хоромъ царевны Екатерины Алексѣевны сказала боярышня Марья Ивановна Шепна.